

Александр Александрович Бушков
По ту сторону льда
Серия «Сварог», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120651
По ту сторону льда: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2010
ISBN 978-5-373-03184-4

Аннотация

На Катайр Крофинд отправляется корабль с каторжниками. Когда на соседнем причале что-то взорвалось, трое из каторжной братии совершили побег. Три пары рук – это серьезная промашка и караемое упущение по службе... Вертухаи нашли выход из положения – подобрали трех человек без сознания, случайно оказавшихся в порту во время взрыва. Один из них – Сварог. Конечно, короля станут искать. Мара и Гаржак поднимут на ноги всю полицию, но знать бы где...

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	22
Глава четвертая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Бушков

По ту сторону льда

Исключительное право публикации книги Александра Бушкова «По ту сторону льда» принадлежит ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

© Бушков А. А., 2004

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010

* * *

*Я так считаю, что у всякого человека, рожденного женщиной, есть в этом мире свое бревно, которое ему нужно поднять и сдвинуть.
Р. Киплинг. «Простачок Саймон».*

Часть первая По ту сторону истины

Глава первая Номер семьдесят шесть

Чувства возвращались поочередно, словно кто-то поворачивал выключатели из аккумуляторного рядочка, один за другим.

Сварог ощутил, что лежит на спине, на чем-то твердом, жестком, неудобном. В бытность свою королем он уже успел отвыкнуть от таких поверхностей, больше всего напоставивший простой дощатый пол, короли обычно почивают с несравнимо большим комфортом. Казалось, что пол размеренно покачивается под ним, но он еще не знал, обстоит так на самом деле, или это все – последствия удара. Был какой-то удар. Определенно был. Он вспомнил все – рывком. Все вроде бы шло прекрасно, субмарина лишилась винтов и никуда не могла уйти, стояла в бассейне неуправляемая и абсолютно беспомощная, вряд ли экипаж мог исправить такую поломку собственными силами, в том подвале... Потом... Офицер с оцепеневшим лицом дернул рубильник – подрывной механизм, конечно, – и грянул взрыв, мощнейший. Сварога чем-то ощутимо приложило по голове... Ему не смог бы причинить вреда летящий отдельно предмет, будь то камешек величиной с воробья или глыбища размером с дом... значит, шарахнуло по башке чем-то, что сохраняло соприкосновение с твердью земной – какая-нибудь балка обрушилась или рухнул кусок стены, вот и вырубил начисто...

Дела не так уж плохи, подумал он, ощущая зудящую боль в левой стороне головы, над ухом, почти в самой макушке. Я все прекрасно помню, кто я такой, что делал, как случился взрыв... до самого последнего мига все помню. Неплохо, могло обернуться и хуже...

Потом включилось обоняние, и Сварог поневоле зашевелился, потряс головой, почти не поднимая ее от дощатого пола, но ничего не изменилось, ноздри прямо-таки залепляла гнуснейшая вонь: испражнения, немытые тела, засаленные тряпки, блевотина... Давненько не приходилось обонять столь резкого и омерзительного букета – да, пожалуй что, никогда, даже во время странствий в качестве бесприютного бродяги не сталкивался с таким набором...

Вернулся слух. Он слышал вокруг ленивые, вялые разговоры, а в другой стороне, очень похоже, ссорились, там орал во всю глотку, осыпая друг друга оскорблениями. Вот только язык какой-то странный, ни одного знакомого слова... Нет, вот кто-то орет, чтобы заткнулись наконец, всех достали, задери вас леший – и тут уж я каждое словечко понимаю... Язык Талара... но другие говорят непонятно... Иностранцы? Опомнись, какие такие другие языки на Таларе? Вся Империя говорит на одном языке, народы отличаются друг от друга только произношением, выговором... Странно...

Пол определенно покачивался под ним. На лице у него, оказывается, лежала мокрая тряпка, источавшая столь неприятный запах, что Сварог не выдержал, сбросил ее резким движением руки. От этого ему вроде бы стало легче и головная боль начала постепенно утихать.

Да, и со зрением вроде все в порядке, просто в загадочном помещении маловато света. Высоко над головой какие-то доски... И стена справа, как убедился Сварог, скосив глаза в ту сторону, – тоже из длинных, горизонтальных досок, сквозь щели меж ними и пробивается свет – яркий, несомненно, солнечный, но его маловато...

Он решился – приподнялся и сел, привалившись спиной к стене. Вопреки пессимистическим ожиданиям, никаких физических страданий это перемещение в пространстве не вызвало. Слегка побаливала голова в том месте, где его приложило, и только. Руки-ноги целы, нет сильных ушибов...

– С пробужденным, ваша милость! – послышался рядом ехидный голос. – Кофия в постель подать прикажете, или чайку с марципанами? Или служанку позвать, чтоб ублажила? Всегда к вашим услугам!

Поблизости захохотали несколько голосов, но без особой веселости, мрачноватый был смех. Сварог огляделся.

Помещение, где он находился и куда попал неведомым образом, было сплошь дощатым – и потолок, и пол, и стены – и имело странную форму не совсем правильного прямоугольника: торец идеально прямой, противоположная короткая стена гораздо короче, а две длинных напоминают дуги. Слева, возле торца, в потолке проделано отверстие, прикрытое деревянной рамой, сплошь утыканной обращенными вниз длинными тонкими остриями – и в него проникает свет, виден голубой кусочек неба... В длину этот прямоугольник уардов десять, в ширину значительно меньше...

И повсюду, куда ни глянь, на голых досках сидели и полулежали люди: оборванные, нестриженные, одни по пояс голые, другие босиком. Окинув себя взглядом, Сварог убедился, что не особенно от них отличается: хомерик исчез, рубашка тоже, штаны и башмаки остались, но перемазаны в грязи и пыли. Что-то мешало шее, этого не было раньше. Он попробовал рукой – прочная, на ощупь железная цепочка грубой ковки, настолько короткая, что через голову ее ни за что не снять. На ней висела железная овальная бляха размером с ладонь. Прижимая подбородок к груди, поудобнее перехватывая бляху руками, Сварог вскоре разглядел на ней грубо выбитый номер: семьдесят шесть. Именно номер: перед двумя цифрами красуется значок «№». Что за фокусы? Тут несколько десятков человек... Это не Атар и уж никак не Корона...

– Так как, ваше степенство? – завел свое сосед. – Вы так ничего приказать и не изволили насчет кофее и прочих марципанов... А ведь привыкли, небось, поутру кофий хлебать и булку белую жамкать? На роже написано...

Сварог угрюмо покосился на него: тщедушный худой субъект неопределенного возраста, классический ехидина и склочник, мелкая сямка, шпана, в любой камере, в любой казарме отыщется... Не стоило пока что связываться, не присмотревшись, не освоившись, не изучив расклады.

Он промолчал, разглядывая неожиданных товарищей по неизвестному несчастью: одни мужчины, есть несколько юнцов, но не видно ни одного по-настоящему дряхлого, ни одного калеки. На всех лицах одинаковое выражение: унылая пришибленность людей, которым их будущее известно наперед, и нет никакого смысла давать волю эмоциям... А пол явственно раскачивается, и это не следствие головокружения, а доподлинная реальность, существующая независимо от наших чувств. Вон, сдвинулась с места ржавая кружка, проехала чуть по полу, остановилась, в другую сторону поползла... Да это же корабль!

Все моментально встало на свои места: сплошные доски вокруг, постоянное покачивание пола... Корабль. И определенно они сейчас не в трюме, иначе не пробивался бы дневной свет сквозь щели в разошедшихся досках...

– Где это мы? – спросил он, глянув на весельчака.

Как он и ожидал, тот мгновенно принялся гримасничать, оглядываясь на ближайших соседей с таким видом, словно полагал себя великим актером, любимцем публики:

– Как бы подходчивей объяснить вашей милости... Вот это, стало быть, доски, они гвоздями сколочены. Извольте ведать, что такое гвоздь? А это...

– К лешему такие подробности, – сказал Сварог. – Планета как называется?

Весельчак зашелся, словно его щекотали:

– Ах, ваша милость, свежего человека вы в минуту уморите! А вы что же, с планеты на планету скачете? На одной так винища нажретесь, что глазки продираете только на другой? Так, что все названия в голове перепутались? Право слово, в балагане вас показывать, большую деньгу можно зашибить...

Он, хихикая, гримасничая, оглядывался на ближайших соседей, тыкал их под ребра локтями, приглашая повеселиться от всей души, но те мрачно отстранялись. Не походило, чтобы этот недомерок с крысиной мордочкой пользовался тут авторитетом – или хотя бы признанием в качестве юмориста. Один из сидевших поблизости, мельком глянув на Сварога, все с той же унылой пришибленностью буркнул:

– Талар это, Талар. Легче стало?

Сварог промолчал, хотя ответить следовало утвердительно – ему и в самом деле стало гораздо легче. Просто несказанно легко. По-прежнему Талар. Никуда его на сей раз не зашвырнуло, остался на Таларе. И это определенно не камера смертников. Перемелется. Но что-то же такое неприятное с ним произошло?

– Какое сегодня число? – спросил он, ни на кого не глядя.

Тот, что сказал про Талар, плюнул и не ответил. По первым впечатлениям Сварога, незнакомец чрезвычайно походил на неотесанного фригольдера, из-за упадка хозяйства пустившегося поискать счастья в городе. Руки больно уж крестьянские. Крысеныш – тот явно из портовых белоручек, мелкота приблатненная...

Уставясь уже на него, Сварог повторил громче, подпустив в голос жесткости:

– Число сегодня какое, спрашиваю?

Этот тон, кажется, подействовал: весельчак ответил все так же развязно, но немного почтительнее:

– Число у нас, надо полагать, такое же, как у вас... Седьмое Фиона, я так прикидываю.

Хорошенькие дела, подумал Сварог. В подвал я ворвался пятого Фиона, а сегодня... Сутки с лишним провалялся, выходит?

– А когда мы из Фиарнолла отплыли? – спросил он наудачу.

– Шестого, утречком. Охотно верю, сударь, что у вас были другие планы касаясь даты отбытия, но наш капитан, чтоб ему сдохнуть еще сосунком, забыл с вами посоветоваться... Еще вопросы будут? Вы уж их все кучей вываливайте, а то тоска заедает смотреть, как вы их по одному вымучиваете...

Вопросов у Сварога было множество, но задавать он не стал ни одного – потому что ответы наверняка сопровождались бы кучей издевок и подковырок, выслушивать кои не было никакой охоты. Кое-что уже известно: если из Фиарнолла и шестого как ни в чем не бывало отплывали корабли, значит, взрыв был не ядерным, и Фиарнолл, слава богу, целехонек. Обычная взрывчатка, только в неимоверном количестве. Но каковы морячки – недооценил их Сварог, ох, недооценил. Камикадзе хреновы. Как он стоял, тот хмырь у рубильника, – по струночке, с непроницаемым лицом... Значит, вот так у них заведено – в случае опасности взрываться всем скопом без малейших колебаний... Ну предположим, не все могли быть в курсе... И все равно, хорошая выучка. Как он стоял, сукин кот... Уважать начинаешь. Правильно я все-таки поступил, что не взял с собой туда ни Мару, ни Гаржака, как ни набивались – им бы там пришел конец, никаких сомнений...

Он потрогал голову – там еще держалась здоровенная шишка, но не похоже, что задета кость. Ерунда, заживет как на собаке...

– Скучаете, красавчик?

Сварог поднял голову. Рядом с ним устраивался странноватый молодой человек – весь какой-то вихлючий, жеманный, он то и дело глупо улыбался, непонятно жестикулировал пальцами, кидал на Сварога туманные взгляды. На всякий случай Сварог чуточку отодви-

нул, но странный незнакомец придвинулся следом, улыбаясь и жеманничая, положил ему руку на колено, защебетал:

– А давайте мы с вами подружмся! У меня здесь совсем нет друзей, представляете? Такая скука, просто невыносимо. Если нас будет двое, жить станет гораздо веселее. Давайте дружить, красавчик, правда...

Он уже откровенно гладил Сварога по колену. Сосед-весельчак вылутился на них с таким видом, словно сгорал от нетерпения узнать, чем все кончится – что-то, ему, несомненно, хорошо известное. Приглядевшись, Сварог усмотрел на щуплой груди нахала странную татуировку: довольно искусно изображенную синей тушью скамейку.

И моментально сообразил, что к чему. Когда много общаешься с тайной полицией, узнаешь массу интересных вещей. Ну да, конечно. Интагар как-то, чтобы его развлечь, прихлопнул толстенные альбомы с рисунками и прочел обстоятельную лекцию. Тюремный педрила, на воровском аргю, – «скамейка». Стоп-стоп-стоп... А что, если те непонятные беседы, что он только что слышал, как раз и были каторжанским жаргоном, или, как выражаются сами тюремные сидельцы, «тарабарской грамотой»?

Не колеблясь, он отодвинулся, пихнул жеманного ногой в грудь и рывкнул:

– Брысь отсюда, тварь, хребет перешибу!

Юноша живенько подскочил и без протестов убрался в дальний конец помещения. Сварог облегченно устроился в прежней позе, но тут же насторожился: к нему, небрежно переступая через лежащих, а кое-кого бесцеремонно убирая с дороги пинками, направлялись двое субъектов уже иного полета: довольно крепкие, отнюдь не изможденные, разукрашенные татуировками так, что экипаж капитана Зо мог бы умереть от зависти. Кое-какие из них Сварог помнил по тем же альбомам. Судя по ним, рыбешка была отнюдь не мелкая, весьма даже зубастая. Лошадиный скелет с крыльями – разбой на больших дорогах, разбитая ваза – насильно лишил невинности не просто девицу, а благородную дворянку, череп на правой руке – загубленная душа. У одного таких черепов восемь, у второго только четыре, но два из них с точкой на лбу, обозначающей кокарду – значит, обладатель наколок помог переселиться в мир иной двум полицейским, что котируется несравнимо более, нежели «простые» черепа... И куча других наколок, значения которых Сварог сейчас не помнил, но готов был поклясться, что они символизируют отнюдь не благотворительные дела.

Примечательная парочка остановилась над ним. Какое-то время они пристально разглядывали его, покачиваясь с пятки на носок, потом уселись по обе стороны. Тот, что устроился справа, вполне дружеским жестом положил Сварогу руку на плечо и задушевно сказал:

– Слушай, дяхан, башмаки у тебя на загляденье добротные, а у меня их вовсе нет... Это ж непорядок, правда? Ты вот сам в какого бога веруешь?

– В Единого Творца, – осторожно сказал Сварог.

Разбойник с большой дороги прямо-таки расплылся в улыбке:

– Вот это повезло, так повезло! Уж так свезло, что не в сказке сказать, ни в суде сбредить... Раз веруешь в Единого Творца, должен уважать святого Роха, точно? А чему учил святой Рох? Поделись с ближним своим, босым и сирым... Правильно? Так что снимай башмачки, дядя, во исполнение заветов святого подвижника...

Ситуация, подумал Сварог в некоторой растерянности. Объяснил бы кто, как держаться. Стоп, это, в конце концов, не тюрьма и не каторга, и народ здесь самый разный, далеко не все по «тарабарской стежке» шлепают... Не может здесь быть тюремных правил, нутром чую...

Он сказал, взвешивая каждое слово:

– Святых много, уважаемый. Лично я как-то больше придерживаюсь поучений святого Катберта-Молота. А он, если вы не знаете, учил примерно так: не позволяй ближнему твоему нахально ездить у тебя на шее, ибо если он так поступает, то он и не ближний тебе

вовсе. Следовательно, не грех такому мнимому близнему двинуть по зубам так, чтобы их поубавилось изрядно и резко...

– Может, попробуешь? – прошипел тот, что резал полицейских.

Взгляд у него был по-настоящему страшным, но по сравнению с кое-какими противниками Сварога во времена былых странствий этот субъект даже на троечку не тянул.

– Могу и попробовать, если вынудят, – сказал он спокойно.

Как он видел краешком глаза, крысеныш обратился в статую, даже, кажется, не дышал, старательно делая вид, что его здесь не вовсе.

– Да ладно тебе, – сказал напарнику второй примирительным тоном. – Куда тебе башмаки, если тут ни танцуплек, ни девок... Дядя хороший, нечего его обижать попусту... Давай-ка мы лучше с тобой, дяхан, метнем на пальцах в «вилы-гирю-полотно»? А?

– Не умею, – сказал Сварог.

– Враз научим. Так, так, этак... – он с быстротой фокусника показал пальцами несколько фигур. – И правила враз растолкуем, они нехитрые. Ну что ты жмешься, залетный? Это ж не карты и не кости, какое может быть с пальцами мошенничество? Бывают фальшивые волосы, по-ученому – парики, и фальшивые глаза бывают, из фарфора там или из стекла. А про фальшивые пальцы ты слышал когда-нибудь? Вот они, доподлинные, натуральные...

– Играть не на что, – сказал Сварог. – Башмаки самому нужны, а больше вроде бы и не на что. И сдается мне, уважаемые господа, что и у вас со ставками небогато...

Его собеседники так и закатились, старательно раскачиваясь на корточках, переглядываясь, панибратски хлопая Сварога то по коленям, то по спине. Зорко наблюдавший не только за приставалями, но и за прилегающим пространством, Сварог в какой-то момент обнаружил, что вся эта сцена находится под самым пристальным наблюдением кучки субъектов, крайне похожих на его разговорчивых собеседников. Их было пятеро, они сидели совсем недалеко, двое красовались обнаженными торсами с таким же обилием жутковатых наколок, а остальные кутались кто в хомерик, кто в камзол, и оттого никак нельзя было рассмотреть их сложную и запутанную нательную биографическую роспись, но никаких сомнений не оставалось, что это птички из той же стаи. Вон тот, в хомерике, у них за главаря, точно – остальные четверо инстинктивно уселись так, чтобы держать его в поле зрения на предмет возможного приказа. А вот сам он ни на кого не смотрит, прищурившись, наблюдает за Сварогом. Ну да, так примерно в старой притче опознал находчивый монах замешавшегося в толпе придворных короля – все взоры были обращены на короля, а сам он ни на кого не смотрел...

– Весельчак ты, дядя, – сказал обладатель восьми черепов. – Как это, нечего ставить? Жопа-то при тебе, ага. Проиграешь – становишься на манер скамейки, а мы тебя, соответственно, пользуем.

– А если выиграю?

– А если выиграешь, то мы тебя не пользуем. Королевские условия, дядя, согласен?

– Нет, благодарствуйте, – сказал Сварог. – Как ни заманчиво, а придется отказаться. Зарок дал в ранней юности. Моя седенькая мама, когда провожала в большую жизнь, взяла с меня клятву, что никогда не буду играть на ставку, во что бы то ни было... Ветренный я парень, признаюсь по чести, много в жизни накуролесил, много заповедей нарушил, но вот, хоть вы меня режьте, через данную матушке клятву переступить решительно не в состоянии...

Судя по перекосившейся физиономии обладателя восьми черепов, ему и комедию ломать надоело, и был он всерьез разозлен строптивостью упрямого фраера. Без всяких церемоний схватив Сварога за физиономию грязной пятерней, он грозно процедил:

– Я тебе скажу, овечка, без всякой игры отсосешь со всем старанием...

Пора было кончать этот дурной спектакль, потому что по всем критериям он вплотную подступал к той черте, где уже начинается унижение, которое ни один настоящий мужик спускать не должен. Сварог сделал парочку неуловимых движений, одной ногой подцепив лодыжку возвышавшегося над ним громилы, пяткой другой ноги нанеся удар в коленную чашечку.

Противник, стоявший в раскованной позе, вмиг потерял равновесие и опрокинулся, как подрубленное дерево, шумно ударившись затылком о загаженную палубу. Закрепляя успех, Сварог извернулся на грязных досках и с помощью опять-таки двух ударов ногами отправил второго вслед за приятелем.

Воцарилась тяжелая тишина. Группировавшиеся вокруг главаря не сразу поняли, что дела пошли серьезные, что два их дружка не просто повалились на палубу, а лежат без всякого движения, ушибленные достаточно серьезно. Едва это до них дошло, двое кинулись к Сварогу, громко пугая жуткой участью.

Взмыв на ноги, Сварог их встретил – моментально, качественно и жестоко. Он не собирався никого убивать, и кости ломать не хотел – неизвестно еще, сколько времени придется проторчать среди этого сброда, не стоило с ходу устраивать смертоубийство и членовредительство, – но бил безжалостно. Теперь на досках лежали уже четверо – трое слабо шевелились, стонали и охали, а четвертый только-только приходил в себя.

Двое оставшихся – последний резерв главаря – бросились вперед.

– Хуть! – рыкнул главарь не шевелясь и не меняя величественной позы.

Один недовольно рявкнул не оборачиваясь:

– Чамо гаришь? Поцар сом клудит на бар...

– Хуть, блэ! Качуму щукаю?!

Оба нехотя остановились, вернулись на место, ворча и бросая на Сварога неприязненные взгляды уже без всякого актерства. Главарь же отвернулся с таким видом, словно совершенно ничего не произошло, да и никакого такого фразера не существовало вовсе. Громко произнес:

– Щеняй добежь, мокотура...

Ушибленная троица, кое-как поднявшись на ноги, стала отступать в расположение части. Четвертый ползком двигался в арьергарде. Те, кто наблюдал за действием, разочарованно отвернулись, но большая часть узников трюма с самого начала игнорировала происходящие события.

Сварог чувствовал себя здоровым и полным сил, голова почти уже не болела. Он осмотрелся. Семеро уркаганов сидели, демонстративно отвернувшись от него, а вот сосед тарачился с восхищенным ужасом, оцепеневший и обомлевший. Судя по его виду, он ожидал гораздо более трагического развития событий и никак не мог поверить теперь, что все обошлось.

Усмехнувшись, Сварог присел рядом с ним на корточки, аккуратно взял за кадык – большой палец справа, указательный и средний слева – легонечко придавил и ласковым шепотом осведомился:

– Придушить, тварь?

Сосед ответил жалобным писком и потоком невразумительных, но определенно умоляющих слов – кажется, доказывал, какой он хороший и мирный, как его дома ждут не дождутся мать-старушка и семеро детушек, один другого меньше. Ветки из него можно было вить. Чуть-чуть ослабив хватку, Сварог с расстановкой сказал:

– Не вилять. Не рассусоливать. Отвечать быстро и подробно... Куда нас везут?

– На Катайр Крофинд, – пуча от усердия глаза, внятно выговорил собеседник. – На плантации. Хлопок пестовать, смолу дерень-дерева собирать. На десять лет, по указу его величества короля Сварога.

Несмотря на унылость ситуации, Сварог в первый миг едва не расхохотался во весь голос. Таких трюков судьба с ним еще не вытворяла: угодить в плавучую тюрьму, везущую каторжников на плантации по своему же собственному указу... Комедия!

– Это и раньше всю практикувалось, – заторопился собеседник. – Вместо каторги или там тюремной отсидки. За шиворот, на корабль – и вкалывай на островах весь свой срок. А совсем недавно король Сварог, чтоб ему ежа родить против шерсти, бабахнул новый указ, по которому на острова запикивают уже на полную десятку, невзирая на приговор и срок, и не только всякую мелочь, а всех подряд, кто попался под горячую руку, смотря по закоренелости. Вот и вышло, что угодили в трюм даже господа тарабарские аристократы... – он опасливо повел глазами в сторону уркаганских затылков. – Под метелку гребут, страшное дело, тюрьмы чистят, а еще...

– Хватит, я уяснил, – мрачно сказал Сварог.

Не было необходимости выслушивать вульгарное и краткое изложение своего же собственного указа. Все правильно, именно так и было сформулировано: «...заматеревших злодеев, закоснелых в своих противозаконных прегрешениях, а также упорном бродяжничестве». Десятку в зубы – и езжай развивать экономику далеких островов, ухаживать за хлопком, собирать смолу дерень-деревя, из которой готовят великолепную синюю краску. Что характерно, без всякого досрочного освобождения: скорый, но справедливый суд короля Сварога столь слюнявого гуманизма не предусматривает...

Разумеется, он не собирался считать свой указ ошибкой или перегибом. Все было задумано совершенно правильно: и континент освободится от уголовничков, бродяг и прочих тунеядцев, и экономике явная выгода.

Однако же, повороты сюжета! Как его угораздило, в конце-то концов, угодить в жернова собственной мельницы? Сварог никогда не питал особенных иллюзий насчет своей же верноподданнической бюрократии: заранее было ясно, что будут и злоупотребления, и накладки, и поводы для взяточничества, – полностью искоренить подобное невозможно. Но откуда такие перехлесты?

– Как я сюда попал? – спросил он сумрачно.

– А ничего удивительного, ваша милость... Подвернулись, извольте ли знать, под горячую руку, для ровного счета, в неразберихе...

– Точнее.

– А точнее – совсем просто. Нашу братию на ночь заперли в пересыльном лабазе, что у самого моря. Все, как положено: решетки, замки, вахари с собаками – дело отработанное. Только посреди ночи приключилась странность. На соседнем причале что-то взорвалось, представления не имею, что и почему, кто бы нам, убогим, растолковывал... Однако грохнуло так, словно небо повалилось на землю. В незапамятные времена, говорят, так города на воздух взлетали во время тамошних жутких войн... Ну, бабахнуло, доложу я вам! Мы уж думали, конец света, новый Шторм, окончательный и законченный катаклизм... Стена обрушилась, что ограждала наш лабаз от соседнего причала, а у лабаза обвалился один угол... И нашлись среди нашей братии такие штукарки, что голову не потеряли, не в пример общей массе. И ломанулись в пролом, не теряя времени, – рассудили, должно быть, что хуже не будет, а второго такого шанса определенно не предвидится... Вахари, кто опомнился так же быстро, кинулись пресечь и воспрепятствовать. И ведь успели, псы... Почти всех похватали, с ног посбивали, древками по печенкам... Только трое все равно успели утечь, выскочили за стену – и лови их теперь хоть по всему свету... Уж я бы на их месте тоже вчистил, чтобы пятки дымились...

– Без лирики, – сказал Сварог. – Ближе к сути.

– Суть-то была такова... Нас же не на виселицу везут – на долгие работы. Каждая пара рук в цене и считается ценным казенным имуществом. И на Катайр Крофинде с главного

вахаря спросили бы за недостатку по всей строгости. Три пары рук – это вам серьезная промашка и караемое упущение по службе... Вот главный вахарь, судя по всему, и извернулся со страху. Когда рассвело, пошел осматривать соседний причал, прихватил с собой своих псов... Я сам видел краем глаза, когда нас гнали на пристань, зрелище было то еще: в земле огромная ямища, даже не ямища, а такая огромная канава, непонятно как проделанная, все изрыто, перерыто, повсюду жмурики валяются... Соображаете? Он, сучара хитрая, велел пошарить среди мертвых в поисках бесчувственных, отобрал, надо полагать, тех, кто был попроще видом – уж никак не дворянин, не почтенный какой. Нашел себе троих беспамятных и велел за руки за ноги оттащить на корабль. Во-он там такой же, как вы, найденыш... а третий где-то в дальнем углу, отсюда не видать... А чего? Недурно придумано. Может, кто-то из вас потом правдочку и найдет... в чем лично я сильно сомневаюсь, уж простите. Но даже если дело когда-нибудь вскроется, главному вахарю не будет никакого ущерба. У него-то по бумагам все в ажуре: скольких принял, столько и доставил – и уплыл себе восвояси браво нести службу. Кто докажет, что это он все устроил? Никому ж неинтересно его закладывать, всем приятно получить законные денежки, когда на острове счет сойдется... А там – много воды утечет. Вы еще докажете сначала, что это вы и есть, а не тот, чей номерок вам на шею приклепали... Семь потов сойдет.

– Вот, значит, как... – медленно сказал Сварог.

– Ну, я ж и объясняю: посмотрели они, что вы дышите, кости целы, башка не пробита – и сволокли за руки-ноги на корабль. Благо отплывать ему полагалось тем же утречком. Положили вас туточки, где мы с вами сейчас сидим, а вы, ваша милость, были не в том состоянии, чтоб протестовать и качать права... Якорь выбрали – и привет, море-океан...

– А моя одежда? Все остальное?

– Ну, ваша милость, к чему глупые вопросы? Одежду вашу вахари наверняка прибрали, все, что было при вас, поделили... окромя того, что в картину категорически не вписывалось, – документы там, бляха гильдейская, или что еще у вас при себе было... Это-то, конечно, выкинули, тут и гадать не надо. А что, сойдет с рук. Там, в порту, сейчас определенно не до вас троих, им бы со взрывом разобраться. Я ж говорю: повсюду жмурики, развалины сплошные, ямы невероятных размеров, кусок берега обвалился даже. Будто тыща бочек пороха взорвалась единым махом, от одного фитиля... Уму непостижимый катаклизм, доложу я вам. Вы, случаем, не знаете, что это там бабахнуло?

– Откуда? – произнес Сварог равнодушным тоном. – Я в порту был человек случайный.

– Вот и попали под случай, хе... Вы не переживайте, и на Катайр Крофинде люди живут – хотя, конечно, как вспомнишь, что десять лет горбатиться, руки опускаются. Предлагали же мне идти официальным прислужником при игорном доме, в градские обыватели обещали вписать, а я, дурак, кобенился, хотя, если по совести, ночным ремеслом сшибал чистые гроши. Вот и угодил в закоренелые, соскочить не успел вовремя...

– Так это ты за мной ухаживал? – спросил Сварог с любопытством, подняв с досок все еще влажную холстинку. – Ведь не сам же я...

Собеседник понизил голос до шепота:

– Да нет, врать не буду... Это, изволите знать, вон те самые... – он показал глазами в сторону разбойников. – Сначала они на вас и не обращали особенного внимания, а потом отчего-то вдруг проявили самый пристальный интерес, устроили аккуратнее, местечко выбрали посвободнее и почище, примочки на голову клали... Их главный так и распорядился... Они до-олго вокруг вас сидели, совершенно непонятно, отчего вы им так приглянулись... – шептал он почти беззвучно. – Неспроста это, ваша милость, неспроста. Вы с ними поосторожнее и поаккуратнее, народ, сами понимаете, видывавший всевозможные виды, для них любого замочить, что два пальца... Терять-то нечего – на Катайр Кро-

финде не вешают, только срок увеличивают, а этим, легко просечь, серьезного человека не особенно и запугаешь...

Сварог посмотрел в ту сторону. Семерка серьезных людей по-прежнему сидела к нему спинами – хотя, создалось полное впечатление, их так и подмывало обернуться. Словно угадав его мысли, сосед протянул:

– С чего их потянуло на доброту, в толк не возьму. Видно, для чего-то вы им надобны, и уж наверняка не для простой дури – вон, при них натуральная «скамейка», а если хотели покуражиться, тут полно народу послабже вас и попугливее, мелочи всякой пузатой... Они, если вы не поняли, определенно прокрутили вам смотрины, это, как бы выразиться...

– Да ладно, все я понял, – сказал Сварог.

Откинулся назад, прижался спиной и затылком к нагретым за день доскам борта, прикрыл глаза. Все, что следовало знать, он уже выяснил, не было смысла продолжать пустую болтовню. Самое время подумать, как из всего этого выбраться. Ситуация далеко не самая погибельная, нет особой опасности ни для жизни, ни для здоровья – всего-то попал ненароком под свой же собственный указ касаясь подонков общества, не на плаху везут, не на съедение чудовищу. Должен быть какой-то выход, но искать его нужно не с кондачка...

Глава вторая

Совещание в верхах

Пришлось в который раз убедиться, что не следует делать культа из народной мудрости, в данном случае, из пословиц и поговорок. Утро оказалось ничуть не мудренее вечера. За ночь Сварог так и не придумал ничего толкового. Вообще, ночь прошла скверно. Спал он вполглаза, чутко прислушиваясь ко всем звукам, доносившимся из вонючего и душного мрака, – был начеку, на случай, если по каким-то своим неведомым соображениям разбойная братия вздумает против него что-нибудь предпринять.

Обошлось. Они никак не дали о себе знать. С наступлением темноты устроили, правда, небольшое развлечение на свой манер – судя по возне, редким репликам и жеманному похихикиванию педрилы, незатейливо пользовали свою «скамейку», но потом уgomонились. Настала спокойная тишина, прерываемая порой разве что чьим-нибудь вскриком во сне, бормотаньем, оханьем. Корабль шел на всех парусах при ясной, как можно понять, погоде, в узкие щели меж добротнo сколоченными досками пробивался серебристый лунный свет, иногда над головой, на верхней палубе, слышались ленивые разговоры стражников. Они, как стало понятно очень быстро, бдели недреманно – хорошо понимали, сволочи, что под ногами у них полно людей, которым совершенно нечего терять. Всю ночь ходили вокруг люка, от борта к борту, от носа к корме, постукивая при этом, судя по звукам, дровками и прикладами.

Спать Сварогу отчего-то не хотелось – видимо, долгое пребывание в беспамятстве сошло для организма за длительный здоровый сон. Да и напряжение нервов давало себя знать. Так что хватало времени, чтобы о многом подумать трезво и рассудочно...

Бессмысленно было гадать сейчас, кто из его людей погиб при взрыве, а кто уцелел. Кто-то определенно погиб, а у кого-то были все шансы уцелеть: например, у Мары с Гаржаком, находившихся на корабле, в отдалении от суши. Зато те сыскари, что остались ждать поодаль от ворот, наверняка, бедолаги, попали под взрыв...

Итак, часть тех, кто прибыл с ним в Фиарнолл, уцелела. Но вот дальше-то что? Его, несомненно, начали искать практически сразу, насколько это вообще было возможно в наступившей сумятице, – но, ручаться можно, ни одна живая душа не в силах догадаться, что некий начальник конвоя, озабоченный тем, чтобы сошелся счет вверенного его попечению поголовья, решил, добрать разницу за счет первых подвернувшихся под руку мирных граждан... Зная Мару и Гаржака, зная остальных – например, баронессу, которая в ночной вылазке не участвовала, а оставалась в городе – можно с уверенностью говорить, что сейчас к месту взрыва согнали все наличные полицейские силы Фиарнолла. И, ничего не объясняя им прямо, велели, надо полагать, из кожи вон вывернуться, но просеять через сито каждую кучку вырванной взрывом земли в поисках живых и мертвых. Да, примерно так и будут действовать его люди, обнаружив, что король пропал без вести.

Короля, разумеется, не найдут ни живым, ни мертвым. И тогда... А вот тогда – ничего. Если не отыщется свидетелей, видевших, как этот сраный вертухай уволакивал на плавучую тюрьму беспамятных, поиски зайдут в тупик. Можно привлечь хоть целую армию, но какие задачи прикажете перед ней поставить, если известно, что король словно в воздухе растаял? То-то...

Оставалась слабая надежда на старуху Грельфи, способную с помощью каких-нибудь ухваток из своего не особенно богатого арсенала учуять Сварога на плывущем к Катайр Крофинду корабле, – но надежда, вот именно, слабая. Дохленькая, если откровенно. Может, старуха сумеет, а может, и нет...

Само собой разумеется, следует отместить громогласное обращение к вертухаям. Нет смысла называть себя, перечислять свои титулы, настаивать на своей подлинности, грозя виселицей и плахой. Все равно никто не поверит, как не поверил бы он сам на их месте. Чересчур фантастично. Если исключить полтора десятка посвященных в тайну людей – при том, что неизвестно, сколько из них вообще осталось в живых – весь окружающий мир пребывает в уверенности, что король Сварог сейчас находится в своем латеранском дворце, из-за плохого настроения заперся в покоях и на людях почти не появляется, разве что пару раз в день проходит по галерее, прогуливается по плоской крыше.

Между прочим, это недалеко от истины: роль Сварога во дворце выполняет примитивная обманка, бестелесное подобие, двойник-призрак, оставленный там Сварогом для пущей убедительности.

Нет, ни одна собака не поверит, что властелин чуть ли не всего Харума вдруг оказался переряженным в фиарнольском порту. Только на посмешище себя выставишь, объявляясь. Этот вариант отпадает.

Остается либо покорно дожидаться прибытия на остров и попытаться что-то предпринять там, либо в полном соответствии с приключенческими романами (а также подзабытой идеологией марксизма-ленинизма, предписывающей угнетенным непременно восставать против угнетателей) поднять сотоварищей по несчастью на бунт, передушить вертухаев, захватить корабль...

Вариант номер два по здравому размышлению представал решительно невыполнимым. Препятствовала специфика плавучей тюрьмы. Здесь, в камере, бунтовать можно сколько угодно – весь бунт сведется к матерным выкрикам и напрасной беготне от стены к стене. Конвой на подобный «мятеж» не обратит особого внимания, разве что посмеется от души, наблюдая все это сверху, с безопасного расстояния...

Чтобы захватить корабль, нужно перебросить наверх достаточное количество людей, а сделать это невозможно: лестницы нет, высота помещения – более четырех уардов, люк надежно закрыт решеткой с железными шипами. Выстроить живую пирамиду, чтобы карабкались друг по другу? Едва начнешь сооружать, конвой заметит и примет меры. Противодействие подобным выходкам наверняка отработано до мелочей – не первый год возят на острова каторжников, не первое десятилетие и даже не первый век...

Проковырять дырку в борту, достаточную, чтобы туда протиснулся человек? Отпадает. Доски из какого-то особо прочного дерева, испокон веков применяемого в кораблестроении, соединены на совесть. Щели между ними не оттого, что борт разохся – как показалось сначала ему, сухопутному, – а потому, что бесчисленные смены заключенных от нечего делать мало-помалу выдернули всю паклю, коей щели были некогда конопачены. На чем и успокоились, прекрасно понимая, что голыми руками борт не проковыряешь...

Разобрать пол, или, если следовать морской терминологии, палубу? Но она тоже из добротного сколоченных досок. Да и под ними – не желанная воля, а то ли пушечная палуба, то ли грузовой трюм. Голыми руками опять-таки не справиться. Отпадает. Господи ты боже мой, до чего дурацкая ситуация! Не менее сотни человек, готовых на все, чтобы отсюда вырваться, но повести их в драку нет никакой возможности...

Он перебирал свои магические способности, но не находил среди них той, что могла бы помочь в данном конкретном случае. Можно отвести глаза конвою, стать для них невидимкой – но это имеет смысл проделать, лишь оказавшись наверху. А чтобы оказаться наверху... снова пошла сказка про белого бычка. Замкнутый круг. Шансы появятся, когда окажешься наверху, а наверх ни за что не попасть...

Он встрепенулся, поднял голову, заметив, что люди вокруг оживились не на шутку. Наверху, над люком, началось какое-то шевеление, тени стражников то и дело перекрывали тень от решетки, лежащую на грязных досках.

– Что такое? – спросил он соседа, уже усмирённого, приведённого к полной покорности.

Тот без тени насмешки отрапортовал:

– Хавку будут раздавать, ваша милость. Одно счастье в нашем положении – пожрать от пуза, благо есть возможность. Они ж нас не собираются голодом морить, им, тварям, наоборот, нужно, чтобы мы пахать принялись в полную силу, едва сойдем с корабля на этом долбанном Крофинде... Сидите, не дергайтесь, у нас с вами номера чуть ли не в самом хвосте.

Послушав совета старожилы, Сварог остался сидеть в своем углу. Наверху шумно завозились, отвалили решетку, и в люке тут же показалось несколько лезвий гуф – здешнего подобия алебард. Солидные лезвия, шириной в две ладони и длиной поболее локтя, начищенные и наточенные на совесть, снабженные кучей крючков, фигурных вырезов и острых завитков. Судя по их виду, вертухаями командовал толковый служака, ревностно следивший за материальной частью, – лезвия, острия и крючья так и сверкают солнечными зайчиками, до бритвенной остроты отточены, башку смахнут в два счета. А меж ними виднеются раструбы «чертовых дудок» – заряженных картечью мушкетов. Все продумано, мать их за ногу. Даже если сыщется акробат, способный одним прыжком оказаться на верхней палубе, – еще в полете напорется на заботливо подставленное лезвие или попросту получит дубинкой по башке...

Наверху деловито рявкнули без всяких эмоций: – Номер один! – и проворно опустили плетеную корзину на прочной веревке. Кто-то бросился к ней, расталкивая соседей, выгреб содержимое и, прижимая его к груди обеими руками, замешался в толпе. Корзина моментально взлетела вверх. Очень быстро наверху раздалось:

– Номер два!

Корзина вновь опустилась, стукнувшись круглым днищем о грязные доски, и все повторилось. Раздача пайки происходила в быстром ритме – опять-таки отработано за столетия...

В конце концов Сварог дождался своей очереди, вернулся на свое и принялся разглядывать пищевое довольствие. Сосед оказался прав: голодом тут морить не собирались, наоборот, делали все, чтобы будущие герои трудового фронта сохраняли силы. Изрядный кусок сыра, шмат солонины, краюха хлеба и кусок сахара размером с куриное яйцо. Для дневного пайка вполне прилично – а из объяснения соседа явствовало, что это как раз дневной паек.

Питьевой воды тоже хватало: из стены торчал массивный кованый кран – хоть запейся. За переборкой, в соседнем помещении, надо полагать, постоянно пополнявшийся бак. Ну да, все продумано...

Без особой охоты Сварог уплел примерно половину пайка – чтобы сохранить силы. Он без малейшего труда, в секунду завалил бы помещение гораздо более изысканными яствами – но не стоило привлекать к себе излишнее внимание. Единственное, о чем он жалел настоящему – это о сигаретах. Совершенно невозможно было на глазах сокамерников извлекать из воздуха сигареты, не говоря уж о том, чтобы их прикуривать от огонька на кончике пальца. А курить хотелось ужасно, и не ему одному – там и сям слышались громкие стелания заядлых курильщиков по поводу отсутствия табака.

Заморив червячка, он почувствовал себя чуточку бодрее, но отнюдь не веселее. Сквернее всего, что заняться было совершенно нечем, не принимать же давешнее предложение насчет игры на пальцах: фальшивых пальцев, конечно, не бывает, прав грома, но у этих ореликов определенно придуманы и на этот случай какие-нибудь свои мошенничества...

Тут он заметил, что к нему направляется главарь – один-одинешенек, без шестерок, сидевших на своем месте, старательно отвернувшись в другую сторону. Сварог пригото-

вился к неожиданностям, особо, впрочем, не напрягаясь: главарь все-таки был один, можно не только придушить, но и прикончить к чертовой матери, пока остальные успеют добежать...

Главарь опустил на корточки напротив Сварога, сделал мимолетное движение бровью, и Сварогов сосед, мелкая рыбешка, моментально отбежал подальше – прямо на четвереньках, не мешкая, не тратя времени на вставание. Они остались один на один, все остальные располагались слишком далеко, чтобы подслушать тихий разговор. Вчера вокруг Сварога не было такого простора – похоже, эти ребята все заранее организовали... Неспроста...

Сварог откровенно разглядывал своего визави. Крепкий мужик, сразу можно сказать, не склонный к сантиментам, все известные Сварогу наколки избличают человека серьезного, не разменивавшегося на оставленных без присмотра кур и кошельки зазевавшихся на рынке мещанок. Значения некоторых рисунков Сварог, правда, не знал, загадочные насквозь картинки, но, опять-таки, вряд ли они символизировали мелкоту...

Ага, вот оно что! Полы хомерика разошлись, – а рубахи на главаре не было – и Сварог без труда разглядел наколотую против сердца синей краской корону, не похожую ни на одну из таларских, но выполненную с величайшим тщанием. Ну, следовало ожидать... Отличительный знак «тарабарского принца», или, пользуясь земными категориями, вора в законе.

Хомерик, кстати, показался ему смутно знакомым. Он не мог бы утверждать со всей уверенностью, но не особенно удивился бы, окажись это его собственная одежда, размер подходил, да и цвет тот же самый...

– Как поживаете, жамый? – вежливо поинтересовался главарь.

Это словечко Сварог прекрасно знал. «Жамый» – сокращение от «уважаемый», так обращаются друг к другу люди, не имеющие дворянского титула и не состоящие в Сословиях, – вполне вежливое обращение, обиходное, без тени насмешки, неприязни, оскорбления...

– Благодарствуйте, жамый, – ответил Сварог в тон. – Жизнь идет своим чередом, но, откровенно признаюсь, не особенно радует...

Главарь усмехнулся уголком рта, тронул ногтем большого пальца наколку-корону:

– Видывали? Смутрите, будто понимаете, что к чему...

– Что это значит, примерно знаю, – сказал Сварог, тщательно взвешивая слова. – На живом человеке, правда, видеть до сих пор не доводилось, да и на мертвых тоже... Вы, значит, насколько я понимаю, тоже попали под указ?

– Вот именно, жамый, – сказал главарь с некоторой грустью. – Король наш Сварог, реформатор сраный... Совершенно не уважает сложившихся традиций, гребет под метелку и мелкоту, и солидных людей. Скажу вам по совести: только я начал обживаться в одном нескучном местечке, именуемом каторгой, только начал усматривать слабые места в изгородах и маршрутах вахарей, которые человек понимающий всегда может со временем использовать к своей выгоде – как, нате вам, грохнул указ, словно гром с ясного неба, и потащили меня на корабль... В одночасье рухнули все планы – между прочим, толковые и выполнимые... Я слышал, что у вас произошло. Точнее, как вас прихватили для ровного счета... Я так понимаю, это прискорбное событие и ваши жизненные планы нарушило?

– Не то слово, жамый, – сказал Сварог. – Не то слово...

– Значит, смело можно сказать, что мы с вами собратья по несчастью, а? Можно спросить, каковы ваши дальнейшие планы? Что-то до сих пор вы не кричали туда, наверх, что произошла ошибка и нужно немедленно восстановить справедливость...

Сварог хмыкнул:

– Позориться? Кто поверит?

– Я смотрю, вы человек несуетливый и трезвомыслящий... Можно спросить, чем на жизнь зарабатывали до этого прискорбного события?

Почти не раздумывая, Сварог ответил:

– Купец. Из Готара. Собственно, не купец, а, как бы это выразиться... У нас крохотная страна, знаете ли. Далеко не все так расписано и регламентировано, как в больших державах. Ну, и мы, соответственно, не привязаны так к одному-единственному ремеслу, как это обстоит в каком-нибудь Снольдере или Ронеро. Подворачивается случай – торгуем. Если случится подряд взять, еще как-нибудь подработать, – и этого не упускаем. Одним словом, грошик к грошику – глядишь, и аурей сколотился...

– Понятно. В таком случае, может, и таверну «Бешеный кабан» знаете?

– Ту, где заправляет Кривой Арак? Кто же ее не знает... Хорошо идут дела у Арака, стройку ладит, соседний участок прикупил, расширяться думает. Народу туда в последнее время нахлынуло изрядно, новые большие дороги образовались, денежки звенят...

– И в Карагуле бывали?

– А как же, – сказал Сварог. – Если вы знаете тамошнюю водяную мельницу, то хозяин, Соло Бабыя Погибель – мой старый приятель...

Подобных расспросов он не боялся – хорошо знал Готар (хотя с теми, кого сейчас зачислил в друзья-приятели, был знаком исключительно заочно, по донесениям полиции).

Однако собеседник новых вопросов задавать не стал. Протянул с прежней интонацией:

– Понятно... Ну что ж, если вы и не готарский, то в Готаре безусловно бывали, очень уж быстро и уверенно отвечаете. А вы ведь не могли знать, что я в первую очередь о Готаре спрошу...

– Это что, вы меня допрежь в чем-то подозревали? – усмехнулся Сварог.

– Да как вам сказать... – уклончиво ответил «тарабарский принц». – Не принимайте на свой счет, я вас умоляю, но в такой компании – не без стукачков...

– Здесь? – спросил Сварог с искренним удивлением.

– Ага. А как вы думали? Большой этап, рыл с сотню, плыть недели две... В таких случаях вахари всегда засовывают стукачков. Для пущего душевного спокойствия. Есть они тут, есть, поверьте человеку опытному... За настроениями следить, возможный бунт вовремя учуять, вообще присмотреться к людишкам... Ладно, что это мы о всякой гнуси? Давайте вернемся к людям приличным и солидным, вроде нас с вами. Можно ли поинтересоваться вашим честным имечком?

– Шабар Каруген, – представился Сварог без запинки.

Тут и выдумывать не стоило, именно так звали – да и сейчас зовут – одного из стражников в готарской резиденции Сварога. Хороший мужик, справный работник, с криминалом никогда не вязался...

– Очень приятно. А меня кличут Бангал.

Последняя фамилия, надо полагать, подумал Сварог и развивать эту тему не стал. Выжидательно посматривал на нового знакомого – в конце концов тот пришел сам, значит, определенно имел какой-то свой интерес...

– Жамый Каруген, мне бы вот что хотелось знать... – прямо-таки задушевно произнес Бангал. – Что вы дальше намерены делать в столь печальном положении? Что-то не верится мне, что вы горите желанием десять лет горбатиться на хлопковых полях или на «смолке»...

– Здесь я правды не найду, это и дураку ясно, – сказал Сварог задумчиво. – Но, может быть, удастся что-нибудь предпринять на Катайр Крофинде? Наверняка есть какая-то возможность...

– Нет такой возможности, – быстро сказал Бангал.

Это было вранье чистой воды, как мгновенно определил Сварог. Он еще думал, как бы поделкатнее выразить недоверие, когда Бангал заговорил первым:

– Не верите?

Глаза у него были колючие, холодные, так и просвечивавшие насквозь. Он напрягся, чуть-чуть подавшись вперед. Повторил увереннее:

– Не поверили. Ни капельки. Вы знаете, что я вру?

– Да ну, с чего вы взяли...

– Знаете, – уверенно сказал Бангал. – Вы как-то определили, что я соврал, и не ломайтесь, это чистая правда... Лицо у вас стало... примечательное, никакой ошибки. Знавал я двоих таких в свое время. Соврешь ему, а он посмотрит, как шилом уколёт, и совершенно точно знает, что ты сбреднул. Один был ничего, безобидный, трудился купеческим проводником, а вот второй был сыскарь, и от этого его умения, легко догадаться, иные люди кровавыми слезами плакали... Сядет напротив, уставится своими шильями, и невозможно ему соврать хотя бы в малости... Знающие люди ту губернию седьмой дорогой обходили, чтобы в случае чего к нему на спрос не попасть. Но его, заразу, все же постигло однажды несчастье. Споткнулся и упал на ножичек, одиннадцать раз подряд – и делайте со мной, что хотите, но верно вам говорю, что «тарабарские господа» тут ни при чем. Этот дурак однажды намекнул своему собственному начальству, что оно, начальство, врет касаясь истинных причин расхождения некоторых казенных сумм. Суммы были немаленькие, вот и пришлось нашему умельцу на ножик по оплошке падать...

– Значит, вы, как бы это поизящнее выразиться...

– Соврал, соврал я вам, каюсь, – сказал Бангал, ухмыляясь без видимого раскаяния. – Есть зыбкая возможность отыскать правду и вырваться с острова, причем, говоря откровенно, не только для случайных постояльцев вроде вас. Деньги – они везде деньги, жамый, сам понимаете... Давным-давно механика отработана. Вам, может, и будет удивительно, он не так уж мало народу попадало на Крофинд по недоразумению или случайности. Есть там людишки среди чиновного народа. Закидывают бредешок в каждую новоприбывшую партию и намекают недвусмысленно, что к чему. Готовы за приличные денежки восстановить справедливость в отношении невинно попавшего. Только, во-первых, дело это долгое – пока снесутся с подельниками на континенте и выяснят совершенно точно, что вы и в самом деле тот, за кого себя выдаете, что денег у вас достаточно. Потом возьмут с вас заемные письма, сдерут денежки – и тогда только отпустят восвояси. А во-вторых, предприятие это дорогое. Если вы не дворянин, не член сословия, не имеете могучей и влиятельной родни и тому подобного – обдерут вас, как киску в заведении меховщика. Справедливо рассуждая, что вы отдадите все до грошика, лишь бы не валандаться на Крофинде десять лет... Вот и подумайте, нужно ли вам такое – оказаться на свободе не ранее чем через годик голым и босым... А?

На этот раз он не врал. Сварог непритворно задумался. Вообще-то приходили в голову надежные варианты: ну, скажем, объявить себя родственником Мары или Интагара, написать такое письмо «родне», чтобы моментально поняли, что к чему... Но время, время! «Тарабарский принц» кругом прав: если не год, то пара месяцев пройдет, прежде чем на континенте получат весточку от короля Сварога. Пара месяцев в бараке для хлопкоробов, когда Горрот сидит костью в горле, когда к Талару с каждым мигом приближается Багряная Звезда...

– Вы абсолютно правы, жамый Бангал, – сказал он твердо. – Мне никак не улыбается прибегать к помощи этих ваших шустрых чиновников. И время потеряю, и обдерут дочиста... Может быть, есть какой-то другой выход?

– Если подумать, найдется. Я, к чему вилать, за тем и пришел, чтобы вам предложить поискать его вместе. Чует мое сердце, что вы можете пригодиться. Смотрел я, как вы разбрасывали моих обормотов, какое у вас при этом было лицо.

– И какое?

– Подходящее. Лицо человека, привыкшего мотать кишки ближнего своего на грязную изгородь. Подозреваю, за спиной у вас немало таких дел, которые делаются без всякого слюнтяйства и доброты...

– Я из Готара, – развел руками Сварог. – Пограничье, сами понимаете. Народ мы простой и бесхитростный, привыкли полагаться не на писанные законы, а на кулак... Значит, вы мне предлагаете к вам присоединиться? Другими словами, вместе с вами захватить корабль?

Бангал спросил совершенно безмятежным тоном:

– А почему вы решили, жамый, что кто-то хочет захватить корабль?

– У меня, если вы не заметили, есть голова на плечах, – сказал Сварог. – Из нашего печального положения есть, хоть ты тресни, только два выхода. Первый – попытаться с помощью звонкого золота и продажных чиновников тюремного ведомства освободиться, обитая на Крофинде. И второй – не дожидаясь, когда корабль придет на остров, захватить этот плавающий сарай. Два выхода, других попросту нет...

– Вы мне облегчаете задачу, жамый, – сказал Бангал тихонько. – Ясно уже, что вас не придется долго уламывать, как нетронутую девку, и долго растолковывать вам не нужно... Вы все правильно понимаете, выходов только два. И долгий меня не прельщает. Мне по нраву как раз короткий. А потому говорю вам откровенно: корабль я попробую захватить. И мне нужно, чтобы вы были с нами. Я вам не буду расточать ужасные угрозы, и жутких клятв брать с вас не стану – к чему эти глупые церемонии в нашем-то положении, меж умными и решительными людьми? Я просто верю, что вы человек разумный, мигом все взвесили и прекрасно понимаете, что нет у вас обратной дороги, и нет друга, кроме меня...

– Понимаю, – сказал Сварог. – Считайте, что я встал в ряды, поскольку обратной дороги и в самом деле нет, а на свободу я могу вырваться только рука об руку с вами... Полагаю, теперь можно поинтересоваться... У вас есть какой-то план?

– Пока нет.

– Объяснитесь.

«Тарабарский принц» наклонился вперед, так, что их лица почти соприкасались. Он явственно волновался, хотя изо всех сил старался этого не выказывать, глаза у него лихорадочно блестели, дыхание участилось...

– Это не план, – сказал Бангал. – Это последняя надежда, отчаянная ставка... Мы в таком положении, когда я просто обязан рискнуть... В настоящем нашем положении отсюда просто невозможно вырваться. Такой возможности попросту нет. Вахари, конечно, сволочи, но ремесло свое знают туго. Отсюда не вырвешься.

– Да, я уже кое-что обдумал...

– Моя последняя надежда заключена в одном-единственном вопросе, – сказал Бангал так тихо, что Сварог едва разобрал слова обычным человеческим слухом. – Среди ваших колдовских умений найдется что-то такое, способное нам помочь?

Сварог не пошевелился, не изменил выражения лица. Он всего-навсего поднял бровь:

– Колдовских? А простите, с чего вы...

Бангал рывком опустил руку в карман, пошарил там – и, протянув к Сварогу сжатый кулак, разомкнул пальцы, не отводя отчаянного, горевшего лихорадочной надеждой взгляда.

На его широкой ладони лежала сигарета – точнее, то, что от нее осталось: нетронутый фильтр и при нем обломок шириной с палец. Одна из тех сигарет, что Сварог каждый день создавал без всяких усилий: желтоватая тонкая бумага, черный табак, светло-коричневый фильтр с двумя золотыми полосками.

Ах, вот оно что, подумал Сварог.

– Табак, сразу ясно, – сказал «тарабарский принц». – Отличный виджитанский табачок, какой курят только люди с достатком. Не пойму, правда, как эта штука сделана – человеческие руки сигарку так ювелирно не свернут, да и эта хреновина вроде ваты непонятно зачем

тут присобачена... Но одно ясно: это натуральный табак. Если поджечь открытый конец, можно курить... Вам крупно повезло, что первым заметил, как у вас в руке появляется прямо из воздуха эта штучка, один из моих ребят. Вы валялись без сознания, а она вдруг появилась неведомо откуда... Потом еще одна, и еще... Вы были в беспамятстве, неосознанно творили... Слышал я про подобные штучки. Немало еще людей с такими вот потаенными способностями, оставшимися от старых времен... Вы не беспокойтесь. Когда я понял, что к чему, ребятки вас тут же обсели, чтобы эти овцы не пялили попусту глаза... Одним словом, вы их сделали ровно пять штук. Остался только этот огрызок. Остальные я, простите, жевал – курить хочется невероятно, я ведь из заядлых дымоглотов... Вот... А потом рядом с вами, опять-таки неведомо откуда, два куска ветчины объявились. Опять-таки свежайшая ветчина, сочная, господская... Схавали мы ее, уж не посетуйте. Куда ж ее было девать? Ну, тут стало окончательно ясно, что вы, простите на худом слове, если что не так, самый натуральный колдун. Или как там это еще называется. Я в этих материях разбираюсь плохо, да и не в ученых названиях дело... Главное я ухватил: вы, жамый, умеете то, что не каждый умеет. Необычный вы человек, теперь ясно.

Только обстановка такая, что восторгаться или удивляться некогда. Как человек приземленный, я в первую очередь задал себе насквозь практический вопрос: а нельзя ли ваше умение обернуть себе на пользу? Благо цели у нас с вами совпадают... Ну, и начал я за вами наблюдать. Настропалил ребят, чтобы прощупали, стал смотреть, что вы предпримете... Честно вам признаюсь, что нынешнюю ночь я не спал вовсе. Лежу и думаю: а вдруг вы, придя в ясное сознание и видя свое положение, улизнете каким-то волшебным образом? Ведь помешать вам в этом случае было бы решительно невозможно. Вы и не представляете, какая каменюга у меня с души свалилась, когда рассвело, а вы сидели на прежнем месте... Значит, улизнуть в одиночку не можете, а? Не хватает умения? Не можете, скажем, дымком обернуться и в щель между досками улетучиться? И не можете велеть вахарям, чтобы сошли сюда, вывели вас наружу, повернули корабль назад?

– Ваша правда, – сказал Сварог. – Этого я не умею.

– Но что-то же умеете, окромя того, чтобы доставать из воздуха табак и жратву? Что-то, что поможет отсюда выломиться? О вас, колдунах, столько рассказывают... Думайте, жамый, думайте! Или вам охота горбатить десятку на хлопке?

– Никоим образом.

– Ну, так как тогда?

Сварог старательно перебирал в памяти все, на что он был способен. К сожалению, приходилось признать, что большая часть его магических способностей предназначена исключительно для того, чтобы сделать благополучную жизнь еще более комфортной, и только. А остальное... Умение не задохнуться в виселичной петле абсолютно бесполезно там, где тебя не вешают... Точно так же обстоит и с ночным зрением, и кое с чем еще... А впрочем... Если подумать...

– Кое-что, если рассудить, все же отыщется, жамый Бангал, – сказал он уверенно. – Правда, нам нужно как следует посоветоваться и многое обсудить...

– Все, что хотите, – горячным шепотом ответил Бангал. – Я сейчас готов и душу прозакладывать, если вы по этой части...

Сварог усмехнулся:

– Душа ваша мне без надобности, успокойтесь. Объясните-ка лучше вот что...

Глава третья

Сарынь на кичку!

Сколько бы там грехов ни накопилось у Бангала за душой, организатором он оказался отменным. Впрочем, в противном случае вряд ли и докарабкался бы до своего нынешнего титула в «тарабарском царстве»...

Предложенный им план, быть может, и не стал вершиной военно-стратегической мысли, однако выглядел, по мнению Сварога, лучшим из того, что в данной ситуации можно придумать. Риск, понятное дело, был огромный, а победа отнюдь не гарантирована, но тут уж ничего не поделаешь: единственный шанс, единственно возможный замысел...

Плохо только, что самому Сварогу пока что совершенно нечего было делать в ожидании своего звездного часа, и он от вынужденной праздности готов был на стену лезть. Эти несколько дней в вонючем трюме показались бесконечными, время ползло, как черепаха. Но ничего тут не поделаешь: во-первых, предприятие требовало нешуточной подготовки, а во-вторых, «тарабарский принц» с большим знанием дела растолковал, почему следует выждать несколько лишних суток.

Все дело, объяснял он, в психологии конвоя: первые два-три дня, когда этап только-только отправился в дорогу, вахари чувствуют себя, словно на раскаленной плите: ждут подвоха, бунта, сопротивления, какого-то хитрого финта, отчего являют собой образец бдительности и настороженности. Ну, а потом, когда с течением времени не происходит ровным счетом никаких инцидентов, охрана незаметно для себя расслабляется, утрачивает прежнюю хватку, бдит уже не так недреманно... Конечно, в лексиконе Бангала не было слов «психология» и «инциденты», но верить ему следовало безоговорочно, знал, о чем говорил.

Дни напролет его подручные, стараясь не суетиться, бродили по плавучей камере. Высматривали подходящих людей, присаживались рядом, заводили беседы – намеками, издалека. Иногда, закинув крючок, вставали и уходили, предоставляя клиенту дозреть, а иногда рыбка оказывалась сообразительной, заглывала наживку моментально, и дипломатической изощренности не требовалось.

Понемногу выяснилось, что твердо рассчитывать можно человек на сорок. От профессиональных нищелюбов со стажем и мелкого жулья с городских окраин с их повадками скорее бродячих собак, чем волков, толку в настоящем бою ждать не приходилось – на острия гуп и дула мушкетенов вряд ли попрут с голыми руками даже ради желанной свободы. Рефлексы не те. Однако в трюме хватало и народа совершенно другой масти: разбойники, серьезные воры и прочие душегубы; люди с опытом военной службы – и дезертиры, и просто бывшие солдаты; привыкшие ко всему жители Пограничья, порубежных губерний и Вольных Маноров; моряки с туманной биографией... От них предполагалось гораздо больше пользы. Благо стражников, судя по опыту тюремных сидельцев, на таком корабле самое большее человек сорок – не армия, как-никак. Матросов принимать в расчет особенно не следовало – они наловчились драться в кабаках и пырять друг друга ножами, но в драке с волками, которым совершенно нечего терять, вряд ли покажут чудеса героизма, как-никак не военные, обычная «парусная прислуга». А впрочем, как сказал Бангал с мечтательно-хищной улыбкой, даже от мелкой шелупони может выйти в схватке кое-какая польза: видя, что наша берет, иной шпенек и нападет на вахаря со спины, и за ноги схватит, предусмотрительно лежа в уголке. Такова уж человеческая натура – с определенного момента даже самые трусливые стремятся срочно примкнуть к явственно обозначившемуся победителю.

Даже если среди трюмных постояльцев и имелись стукачи, помешать они ничему не могли: посланцы Бангала не называли никаких конкретных дат и никого не посвящали в конкретные планы действий, детали и подробности. Просто-напросто сообщали намеченному

в потенциальные соратники, что «кое-что готовится». Выясняли, готов ли он примкнуть, помахать кулаками ради свободы. И потом, у стукачей в здешних специфических условиях не было никакой возможности украдкой встречаться с начальством для доклада. Тихарю оставалось одно: подбежать к люку и заорать что есть мочи охране что-то вроде: «Родненькие, срочно заберите меня отсюда, я та-а-кое расскажу – ахнете и оцените!» Пока что ничего подобного не произошло.

Оружия, правда, не было. Ничего, хотя бы отдаленно похожего на оружие или способного с грехом пополам оружие заменить. Ни единой булавки на сотню человек. Как ни прикидывай, потери среди бунтовщиков обещают быть огромными. Но Сварог в глубине души полностью соглашался с нехитрой мыслью, высказанной Бангалом вслух: бывают случаи, когда на любые потери следует заранее начихать с высокой башни. И, между прочим, продолжал Бангал, развивая тему о шпиках, неизвестно еще, как поведут себя стукачи, когда запахнет свободой, поспешат доложить о готовящемся бунте, или промолчат – это ведь определенно не сыскари на жалованье, посаженные «под видом», а такие же каторжане с десятой в зубах, запуганные либо соблазненные будущими послаблениями...

Сварог согласился с этой мыслью, но уточнил: все зависит от того, насколько стукач поверит в успех дела. Если увидит реальную надежду на успех, наверняка промолчит, а вот если ему покажется, что у мятежа нет ни малейших шансов – поднимет шум.

Бангал признал, что его собеседник, точно, прав. Они со Сварогом о многом лениво болтали, сидя в уютно обустроенном закуточке в углу трюма. Подручные «тарабарского принца» в два счета конфисковали у товарищей по несчастью кучу одежды – где без сопротивления, где убедив зуботычинами – и быстренько сварганили из этого вороха большой прочный полог, натянули его на сплетенной из поясов и разодранных на ленты рубах веревке, которую надежно закрепили в щелях меж досками с помощью самых больших пуговиц, вбитых вместо клиньев. Судя по сноровке, им не в первый раз приходилось такое проделывать. Получилась добротная занавеска, надежно скрывавшая от глаз остальных жизнь кучки привилегированных. Причины тому были самые практические. Во-первых, не стоило остальным дивиться, как «политбюро» угощается появлявшимися прямо из воздуха яствами, а порой и покуривает Свароговы сигареты (ночной порой, старательно выпуская дым в самые широкие щели, – днем какой-нибудь шустрый вахтенный мог и заметить с палубы, что из трюма пробивается дымок). Вообще-то еды и табака хватило бы на всех, Сварогу это стоило бы минимальных усилий, но не следовало привлекать лишнего внимания к обладателю магических способностей. Во-вторых, в закутке за занавеской уже хранилось кое-что, подготовленное для рывка, опять-таки сотворенное Сварогом...

Бангал, прохвост битый, все еще не оставлял попыток прощупать нового поделщика. Частенько, во время самых отвлеченных и пустых разговоров – в основном о своих или Сварога странствиях по Харуму, тавернах, бабах и приключениях – Сварог вдруг понимал, что ему словно бы невзначай, мимолетно, с самым простецким выражением лица поставили коварную ловушку. Вполне могло оказаться, что пару раз он в таковые ловушки все же угодил – очень уж многозначительные искорки вспыхивали в глазах «тарабарского принца».

Наверняка были какие-то подвохи, о которых Сварог попросту не мог знать – какие-то третьестепенные тонкости, известные лишь настоящему купцу из Готара, но никак не самозванцу.

А впрочем, особенно беспокоиться по этому поводу не стоило. Бангал не перегибал палку, как-никак Сварог был ему пока что жизненно необходим. Скорее всего, «тарабарский принц» был из тех, кто терпеть не может загадок и неясностей в непосредственной близости от себя – в чем не было ничего странного, учитывая специфику ремесла, каким он зарабатывал на жизнь. Ну и черт с ним. Вряд ли замышляет что-то недоброе – какая ему выгода? Наоборот, сообщника с такими способностями следует рассматривать, как подарок судьбы,

пылинки с него сдувать, используя в своих делах. Интагар кое-что рассказывал о подобных случаях, когда воровской мир стремился поставить себе на пользу любые магические знания, да и Паколет в свое время вспоминал, как укрывал свое умение от людей серьезных, чтобы не приспособили к тяжелым делам. Так что можно себя чувствовать в полной безопасности – по крайней мере, пока они не достигнут Харума. В любой момент можно спросить небрежным тоном: «Жамый Бангал, а вы, часом, не замышляете ли против меня что-то плохое?» – и вранье выплывет наружу моментально...

Вот и сейчас Бангал, привалившись спиной к борту, разглядывал Сварога с тем же выражением мучительного, тягостного раздумья, почти что и не скрывая этого.

– Ну, что? – лениво спросил Сварог. – Цветы на мне выросли?

Бангал фыркнул словно бы смущенно, помотал головой, потом решительно сказал:

– Дурацкое ощущение, но никак не проходит... Гвоздем у меня в башке сидит, что где-то я вас видел, жамый Шабар. Память на лица у меня алмазная... Вас не затруднит поднять голову? Задрать подбородок, чтобы поза была горделивая, на манер королевской? Спасибо. Точно, я вас где-то видел, и должен бы прекрасно помнить, где, – но из головы вылетело напрочь. Совсем недавно я вас должен был видеть, несколькими днями тому, перед самым отплытием...

– Может, где-нибудь на улице в Фиарнолле? – непринужденным тоном спросил Сварог.

– Да нет, вряд ли. Какая, к лешему, улица? Нас из Сноля везли опять-таки на корабле, сначала по реке, потом по морю, а здесь в Фиарнолле, перегнали по набережной в амбар закоулками, где не было никого постороннего... Нет, не в порту... но определенно тут, в Фиарнолле. Не может такого быть – но я ведь помню! Вот только где? Скажите по чести: может, вы мне память на этот счет отшибли какими-то чарами?

– А зачем?

– А кто вас знает...

– Бросьте, – сказал Сварог. – Это вам, жамый, всякая чушь лезет в голову от безделья. Очень мне нужны чары на вас тратить... И потом, вам не кажется, что я отшиб бы вам всю память? А не только воспоминания о месте, где вы меня якобы видели?

– Пожалуй, – согласился Бангал, но тут же упрямо мотнул головой: – И все же я вас где-то видел. И должен помнить, где! Но – не помню...

Сварог, кажется, понимал, в чем тут дело...

Согласно строгим правилам судопроизводства оглашать приговор каторжанам перед отправкой обязан его милость королевский прокурор – в соответствующей случаю обстановке, в юстициарном зале. А там, естественно, находится его, Сварога или бюст, или портрет. Существует длинейший перечень присутственных мест, где просто обязан находиться бюст или портрет здравствующего монарха, а кроме того, масса чиновного народа непременно проявит самодеятельность, выказывая таким образом вою преданность владыке. Соответствующие инстанции только-только начали нешуточные труды по бюстизации и портретизации, но кое-где мраморные и живописные изображения Сварога уже появились. Не зря Бангал просил задрать подбородок – на бюстах и на портретах любой король, согласно незыблемым канонам, изображается с горделиво воздетым подбородком и орлиным взором. Ну да, никаких сомнений, Бангал где-то видел бюст или портрет Сварога, выполненные, надо полагать, с большим сходством. И не может сейчас связать их с «горротским купцом» исключительно оттого, что любой на его месте будет искать разгадку где-то в другом направлении. Невозможно поверить, что король чуть ли не всего Харума вдруг обнаружился в грязном трюме вертухайского парусника, везущего на каторгу всякий сброд...

– Никак не могу вспомнить, – с нешуточной злостью на самого себя пожаловался Бангал. – А я ведь должен, у меня...

Краешек полога откинулся, показалась озабоченная физиономия убийца полицейских:

– Башкан, стеремнято! Тамо едн шлепак кутигасится у чуры! Сам зырни...

Бангал мгновенно поднялся на ноги, словно распрямилась стальная пружина.

– Что-то случилось? – насторожился Сварог.

– Давайте посмотрим, – нехорошо улыбаясь, сказал Бангал. – Друг мой верный только что сказал, если перевести на понятный вам язык, что какой-то обормот подозрительным образом трется у люка...

Они осторожно выглянули в щелочку. Возле квадрата солнечного света, падавшего на грязные доски через закрытый шипастой решеткой люк, и в самом деле «кутигасился» один из каторжан. Нервно расхаживал взад-вперед, исходя видимым на расстоянии нешуточным напряжением, стараясь делать вид, будто беспечно прогуливается, устав сидеть, ноги разминает, – но было в нем что-то такое трусливо-решительное, нехорошее.... Не выдержав, пару раз зыркнул вверх, тут же отвел глаза, беззаботность стала еще более нарочитой, походка – еще более нервной...

Было в нем что-то от марионетки в руках неумелого кукловода – только вот явственно веяло вполне человеческими колебаниями, страхом, неуверенностью...

– Не нравится он мне, – тихонько сказал Сварог.

– А уж мне-то! – фыркнул у него над ухом Бангал. – Как же, имели честь неоднократно наблюдать подобное при других обстоятельствах... Настоящая и неподдельная «пляска тихарика», верно тебе говорю: и жутко ему, и донести хочет непременно. То ли много ему наобещано, то ли, ты прав, не верит в успех предприятия... Ишь, как его корежит, сучару... Ну, понятно, вот-вот начнется кормежка, можно уцепиться за веревку и заорать, чтобы подняли, там, среди вахарей у люка, наверняка будет тот, кто его мазал...

– И что делать? – спросил Сварог.

– А что тут сделаешь? – спокойно пожал плечами Бангал. – Значит, судьба такая – начинать именно сейчас. Надо же когда-нибудь начинать... – его тон был будничным, почти равнодушным. – Выходит, пора... Жамый Шабар, я вас душевно прошу, зажигайте огонь, а уж костер вам поможет соорудить наш расторопный Цура, он на такие штуки горазд... Цура! Бадохай ламя, шиче-шиче! Шиче, блэ!

В закутке моментально началась деловая суета. Цура – тот самый, что имел за душой полицейских, – проворно принялся складывать в кучку пригоршни невесомых бумажек от распотрошенных сигарет. Второй вытащил из дальнего угла лежавшую на чьей-то рваной рубашке кучу черного табака – от тех же сигарет. Вышло так, что из всего, что Сварог умел творить, горючим материалом оказались лишь сигареты, вот и пришлось создать их целую кучу...

Еще двое сидели на корточках рядом, помогая при необходимости. Протянув палец с появившимся на нем язычком огня, Сварог осторожно поджег первую бумажку. Крохотное пламя перекинулось на сложенную Цурой кучку, и душегуб подбросил еще бумаги, горсть фильтров... Его корешок осторожно подсыпал табак, подкладывал лоскутья рубашки.

Пламя костерка уже доставало стоявшему во весь рост Сварогу до колен, дым понемногу заволакивал закуток, и они, сорвав полог, выскочили наружу, заорали во всю глотку:

– Пожар! Пожар! Горим, мать вашу! Пожа-а-а-аар!!!

Остальные, непосвященные в стратегические замыслы, повели себя как и следовало ожидать: в ужасе шарахнулись всем скопом к противоположной стене. Пожар разгорался, в огонь летели новые лоскуты, бумага, табак, сигаретные фильтры, остро воняло горелой синтетикой, чуть приятнее пахло тлеющим табачком, дым уже валил, как из кухонной трубы перед большим праздником, тянулся в люк. Наверху наконец-то заметили нечто неладное, над головой послышался топот, раздались недоумевающие выкрики, и совсем близко залилась пронзительными тревожными трелями боцманская дудка.

Одним прыжком оказавшись в центре трюма, Бангал закричал:

– Слушай меня, тарабарские! Началось! Въехали, корявые? Бахан на кутан, дружочки, шахан на цуцан! Шомай, рванина, светит воля! Началось!

И почти сразу же десятка два голосов, надсаживаясь в яростной надежде и азарте, подхватили:

– Пожар! Пожар! Горим! Спасайте, мать вашу! Горим, вахари!

Наверху уже разворачивалась нешуточная суматоха, палуба над головой гудела от грохота шагов, но все это никак не походило на панику: судя по звукам, группы людей бежали в одном направлении, звучали громкие, яростные команды, что-то шумно волокли, что-то тяжелое и длинное, звенели, отталкиваясь, лезвия гуф, стучали приклады о палубу, дудка свистала, не переставая...

Сварог осклабился, представив, каково им сейчас – тем, наверху. Пожар на корабле – это очень страшно. Вокруг, конечно, целое море воды, в самом прямом, не в переносном смысле, но какой от нее толк? Это от горящего дома можно уйти подальше, а куда денешься с пылающего корабля? Разве что в шлюпки-скорлупки – а до ближайшей суши далековато. К тому же в трюме наверняка стоят бочки с порохом – кроме каторжников, корабль везет груз для Катайр Крофинда, все, что там не производят, а значит, и порох...

Шипастая решетка вдруг исчезла, поднятая и отброшенная дюжиной рук. В отверстие люка свесилась перекошенная усатая физиономия в живописном обрамлении мушкетонов. Поводя усами и вращая глазами, вахарь какое-то время смотрел вниз, но потом ему прямо в лицо ударил клуб густого дыма, после чего не осталось никаких сомнений относительно происходящего в трюме. Физиономия отпрянула, перхая и матерясь, исчезла из виду. Дула мушкетонов, правда, остались. Над самым люком кто-то громко отдавал приказы.

Вдруг что-то заскрежетало: это сверху косо опускалась самая настоящая лестница, широкая доска с приколоченными перекладинами и перилами, ее нижний конец глухо стукнул в пол, и тут же наверху рывкнули:

– Слушай меня, рванина! Всем моментально отойти к дальней стенке! Кому говорю! Кто замешкается, прибью!

И вслед за тем, буквально через пару секунд, бабахнул мушкетон. Целая россыпь картечи ударила в пол, взлетели щепки, кто-то дико заорал – должно быть, зацепило рикошетом. Толпа отхлынула к упомянутой стенке – трусы, как и следовало ожидать, быстрее всех, оказавшись теперь в задних рядах, а вот люди другого склада, Сварог в том числе, оказались впереди...

В клубах дыма вновь замаячила усатая физиономия и, рассмотрев обстановку, насколько удалось, пропала с глаз. Затопотали сбегавшие по лестнице стражники – оцетиная гуфами и мушкетонами, они тут же с большой сноровкой рассыпались цепью, перегородив трюм, оттесняя остриями толпу еще дальше. Их становилось все больше и больше, выстроились почти что локоть к локтю. По опустевшей лестнице проворно сбежал, придерживая широкий клинок на боку, некий чин – судя по золотым жгутам и нашивкам на серо-лиловом мундире тюремного ведомства, не простой вахарь, а лицо, облеченное некоторой властью. Бросился в тот угол, где горело и дымило, пытаясь рассмотреть источник нежданного возгорания, разгоняя дым шляпой...

Сварог понял, что пора действовать.

Он не смог бы описать обычными словами, что с ним произошло. Скорее всего, и не было таких слов. Просто – получилось. Он знал, что получилось, так как перешел в какое-то другое состояние.

Видел, как непроизвольно исказилось лицо стоявшего рядом Бангала – ну да, Сварог вмиг исчез, растворился в воздухе...

Высмотрев подходящую брешь – довольно широкое пространство меж двумя стражниками – Сварог бросился туда. Он все же задел локтем одного, тот дернулся, недоуменно выпучил глаза, но, скорее всего, решил, что ему показалось...

В три секунды Сварог взлетел по пустой лестнице наверх, словно ошалевшая кошка. Чуть не столкнулся лоб в лоб с несущимся к люку матросом – с полдюжины морячков тащили по палубе брезентовый шланг, который явно собирались подключить к водопроводному крану, – шарахнулся в сторону, прижался к мачте, зажмурясь, ожидая, когда глаза после чуть ли не недельного пребывания в полумраке привыкнут к яркому солнечному свету. Огляделся. Самая обычная палуба обычного корабля. Перед люком выстроились шеренгой не менее двадцати стражников, бдительно держа гуфы наперевес. Никто уже не суетился, все знали свой маневр. Второй начальник, держа руку на эфесе, вытянул шею, стараясь рассмотреть хоть что-то в люке, откуда все еще валил дым. Матросы со шлангом исчезли в трюме. Остальные тарасились сверху, со снастей.

И никто, разумеется, не видел прижавшегося к мачте человека в мятых, грязных штанах и пропотевшей рубашке. Все было в порядке, не стоило мешкать. Сварог направился напрямик к капитанскому мостику, куда вела вычурная лесенка.

– Ох ты, мать твою! – рявкнул кто-то сверху, перегнувшись через перила.

Сварог тоже его увидел, и все моментально пришло в норму – субъект в синем с серебром кафтане, чересчур богатом для простого рулевого, оказавшийся поначалу вне зоны действия заклинания, теперь тоже попал под неописуемый обычными словами, неосязаемый магический удар. Как и остальные двое на мостике.

Бесшумно поднимаясь по лесенке – добротнo сколочена, ни одна ступенька не скрипнула, – Сварог прекрасно слышал разговор на мостике:

– Что такое, капитан?

– Да показалось... – чуть сконфуженно ответил человек в синем кафтане. – Вроде бы по палубе, прямо к мостику, шел каторжник... Самый натуральный.

– Откуда ему взяться...

– Вот я и говорю: показалось...

– Конечно, это не мое дело, любезный капитан, но, по-моему, последнее полуведро рома было вчера абсолютно лишним.

– Скажете тоже – полуведро! Самое большее – четверть.

Сварог тем временем оказался уже на мостике. С одного взгляда оценил обстановку. Трое: капитан, рулевой у штурвала и еще один, судя по золотым причиндалам на тюремном мундире и занимаемому сейчас месту – главный вахарь. Та самая сволочь, что преспокойно прихватила для ровного счета совершенно посторонних людей, чтобы только не получить взбучку и не лишиться премиальных. Вот к нему у Сварога не было ни капли жалости...

У перил красуется виолон. Хотя корабль, судя по первым впечатлениям, безусловно, не военный, пусть даже располагает полдюжиной пушек. Капитан, должно быть, служил раньше на военном флоте, вот и выпендривается по старой памяти... Прямо посередине перил установлен пулемет – новехонький, на самодельном приспособлении из железных прутьев. Сварог невольно поморщился: пулеметы были жутким дефицитом, он распределял их по полкам поштучно, а тут, извольте видеть, вертухаи как-то раздобыли...

Тут же, в прибитых к перилам кожаных футлярах – не менее дюжины мушкетонов и многоствольных пистолетов. Все продумано, чтобы при необходимости обрушить ливень свинца на ведущий в трюм люк...

Капитан вдруг зашмыгал носом, подозрительно принохиваясь. Сварог, стоявший от него буквально в паре шагов, моментально понял, что к чему. Его не видели, но должны были учуять: он неделю не мылся, не снимал башмаков, спал, не раздеваясь.

Он шагнул вперед, ребром ладони врезал капитану по голове над ухом, ногой сшиб главного вахаря, добавил с левой – и последним вырубил рулевого. Проворно перехватил толстые рукоятки штурвала, стараясь удерживать его в том же положении. Огляделся.

Никто не смотрел на капитанский мостик, никто не заметил, как троица полетела с ног. Все пялились на люк, откуда все еще валил дым и доносились неразборчивые команды. Судя по спокойствию людей на палубе, внутри борьба с огнем происходила без малейших инцидентов. Надо дать им немного времени, пусть потушат – легче будет Бангалу с ребятами...

Небо было безоблачным, море спокойным, корабль плыл себе в волнах на раздутых парусах при попутном, похоже, ветре. Океан вокруг казался таким безмятежным и прекрасным, что Сварог выругался сквозь зубы от такого несоответствия природы моменту.

И, решив, что время настало, крутанул штурвал вправо – примерно на четверть оборота, как учил его в трюме татуированный моряк, судя по некоторым наблюдениям, угодивший на каторгу за пиратство. Постарался быть как можно осторожнее, в его расчеты вовсе не входило опрокинуть корабль к чертовой матери...

Однако так едва не произошло. Казалось, невидимый великан со всего размаху залепил по борту громадным кулачищем. Корабль качнулся на волнах, накренился вправо под отчаянный скрип рангоута, так, что концы рей с правой стороны едва не черкнули по воде.

Чутьку испугавшийся Сварог торопливо вернул штурвал в прежнее положение. Увидел, как повисли на снастях матросы, удерживаясь только руками. Ничего, люди привычные, за борт не упадут... Схватил стоявший тут же микрофон, поднес его к губам и рявкнул что есть мочи:

– Паруса долой, мать вашу!

Кажется, по правилам отдавать эту команду следовало как-то иначе – но он еще в бытность свою на «Божьем любимчике» пару раз слышал, как капитан Зо командовал именно так, и ему подчинялись. Подчинились и здешние матросы, вряд ли разобрав, что искаженный жестяным раструбом голос принадлежит не законному капитану, а самозванцу. Засуетились, побежали по снастям, стали сворачивать паруса...

Те, внизу, у люка, как раз поднимались на ноги, еще не подозревая ничего плохого. Ну что же, оговоренный сигнал дан... Сварог, оскалась, принял к пулемету и выпустил длинную очередь по стражникам у люка – слева направо, сметая их пулями, крепко вжимая в плечо приклад, расставив ноги, глухо рыча сквозь стиснутые зубы от разнообразия нахлынувших на него взаимоисключающих чувств. Эти люди, метавшиеся под пулями, падавшие, кричавшие, замиравшие неподвижно, были ни в чем не виноваты. Наоборот, они представляли здесь закон и порядок – его собственный закон и порядок, они честно служили королевству и Сварогу Первому, охраняя тех, кто безусловно заслуживал того, чтобы провести на хлопковой каторге не десять лет, а всю оставшуюся жизнь...

И вот теперь именно он, король, расстреливал их в упор – потому что нельзя было иначе. Так уж вышло. Так обернулось. Так уж карта легла. «Пенсии семьям, – пронесли у него в голове покаянные, совершенно ненужные сейчас мысли. – Хорошие пенсии семьям всех до единого, кроме главного, который во всем и виноват. Льготы по налогам, сыновей в полковые школы на казенный кошт, дочерей... да мать твою, нашел время нюни распускать!»

Чувствуя, как что-то обрывается в душе, он стрелял и стрелял – и снял палец со спускового крючка, когда наверх с диким ревом и воем, потрясая гуфами и широкими тесаками, выплеснулась толпа оборванцев. Они орали так, что сердце заходило в смертной тоске, они поставили все на карту – либо освободиться, либо подохнуть! – и именно среди них, так уж получилось, сейчас было место короля Сварога, ревнителя правосудия, загнавшего их сюда своим собственным указом...

Внизу началась схватка – ожесточенная настолько, что и слов подходящих не подберешь. С обеих сторон знали, что выхода у них нет – победа или смерть, и никак иначе...

Оглянувшись и оглушив ударом ноги заворачавшегося было главного вахаря, Сварог выдернул у него из ножен абордажную саблю – хорошо наточенную, сверкавшую, содержащуюся в идеальном порядке. Чуть изогнутую, с широкой елманью, занимавшей почти треть клинка.

Сбежал по ступенькам и ринулся в бой, без единой мысли, озабоченный только тем, чтобы каждый удар был смертоносным.

Глава четвертая

Белая погибель

Тот моряк, что наставлял его в трюме, как надлежит слегка тряхнуть корабль, стоял у штурвала, сноровисто перехватывая рукоятки, глядя вперед с привычным прищуром. На обычном капитанском месте – справа у перил – помещался сейчас Бангал, на нем красовался форменный кафтан главного вахаря со всеми золочеными причиндалами (что, надо полагать, имело для «тарабарского принца» некое символическое значение), а через плечо у него была надета перевязь с капитанской саблей. Он с нескрываемым удовлетворением смотрел на нокрей, где болталось в петле тело главного вахаря. Когда Сварог посматривал туда же, в душе у него также не поднималось ровным счетом никакого протеста – этот скот сам был во всем виноват...

Остальные трупы давно уже вышвырнули за борт быстро и деловито, не глумясь над врагами и не произнося прочувствованных речей над своими. Пятна крови, правда, никто и не подумал замывать, и они во множестве темнели тут и там.

Нужно признать, что организаторские способности Бангала не дали сбой и после победы. Едва в ходе яростной схватки наступил решительный перелом в пользу мятежников, «тарабарский принц» принялся распоряжаться так хватко, словно всю жизнь командовал кораблями. Он в два счета сколотил нечто вроде палубной команды, которой предстояло поддерживать порядок, отправил отряд из людей понадежнее обыскать все корабельные помещения, велел согнать матросов на палубу и пальцем их не трогать. Одного буяна, взявшегося было истерически орать что-то о немедленном возмездии всем поголовно, кто не принадлежал к благородным обитателям тюремного трюма, Бангал прикончил так быстро, что Сварог и глазом не успел моргнуть, а другого, подхватившего было призывы к резне, пнул так, что тот долго не мог очухаться. После чего воцарились относительный порядок и некоторое спокойствие. Прохаживаясь перед сбившимися в кучу матросами, Бангал произнес краткую выразительную речь, в которой почти без ругательств обещал, что всякий, взявшийся исправно сотрудничать, останется цел и невредим. После чего погнал моряков на мачты, чтобы занимались прежним делом...

– Ну что, жамый Шабар? – спросил «тарабарский принц» с мечтательной, отрешенной улыбкой, глядя теперь на сверкающее мириадами искорок море. – Какова она на вкус, свобода?

– Великолепный у нее вкус, надо признать, жамый Бангал, – ответил Сварог, искренне улыбаясь.

– Я у вас в неоплатном долгу.

– Какие пустяки, – сказал Сварог. – Я ведь, некоторым образом, и для себя старался...

На мостик проворно взбежал Цура, весь в засохшей крови, главным образом чужой, с гуфой в лапе. Ощерился:

– Под балодкой шуранули...

– Цура, друг ты мой вековечный, – вкрадчиво сказал Бангал. – Я тебя душевно умоляю, изволь изъясняться на гладком наречии, чтобы тебя понимал и мой верный сподвижник жамый Шабар, от которого у меня отныне никаких секретов нет, потому что одной веревочкой повязаны... Усек?

– Ага, – сказал Цура, жизнерадостно скалясь и почесывая в затылке грязной пятерней. – Только понатужиться придется, так сразу и не сообразишь, отвык я что-то от гладкой болтовни... В общем, в трюме порох, вино и всякая хорошая жратва, определено для начальства. Там пряталось двое вахарей, ну, мы их, уж не посетуй, того... А доктора и этого, как его, штурмана, трогать не стали, как ты и велел. Доктора приставили к пораненным, а

штурмана пока что сунули в каюту, чтоб посидел и подумал над своим положением. Ага, а штурман-то плыл, как благородный, – со своей законной бабой. Очень даже ничего баба, молодая еще. И дочушка при ней, не совсем еще в возрасте, но, где надо, уже круглится. Там ребята порывались их разложить с ходу, да я пока что не дал, пихнул в ту же каюту и приставил на стражу надежных, Багулю с Рыжим... Мало ли какие у тебя будут идеи... Бангал, может, нам их и правда попользовать? Приятные телушки, что мама, что дочка. Дочушка, чует мое сердце, еще блудня не пробовала, я б ее и научил со всем обхождением...

– Как вы полагаете, жамый Шабар? – осведомился Бангал с тонкой улыбкой.

– Неразумно, по-моему, – сказал Сварог. – Штурман нам необходим, без него нам до Харума придется добираться наудачу. А если вы затрахаете его дамочек, он либо в уме повредится, либо, что гораздо хуже, решит качественно отомстить. Рассчитает все так, чтобы корабль дошел до берега ночной порой – и оказался в каком-нибудь военном порту. Я бы на его месте так именно и поступил.

– Да и я бы, признаться, тоже, – задумчиво произнес Бангал. – Вы совершенно правы, друг мой, а вот ты, Цура, болван все-таки, как я ни стараюсь сделать из тебя мудрого мыслителя... Шагай. И чтобы бабенок никто и пальцем не тронул – иначе отрезать буду сам, и не пальцы вовсе, и не в один прием... Уяснил?

– Ну, чего тут не уяснить-то...

– Беги живенько. Баб вели стеречь со всем прилежанием, а вот самого штурмана води быстренько сюда, мы с ним душевно потолкуем. Брысь!

Цура проворно сбежал с мостика, хлопнул дверью кормовой надстройки, слышно было, как он орет внутри, страдая часовых всеми мыслимыми карами, какие только способен придумать почтенный Бангал. Вскоре он появился снова, толкая перед собой человека в синем камзоле, со связанными руками и здоровенным синяком под левым глазом. Вид у него был крайне угрюмый и безнадежный, что неудивительно для человека в таком положении.

– Здравствуйте, здравствуйте! – сказал Бангал, сияя задушевной улыбкой, так весело и непринужденно, словно встретил старого доброго друга. – Вы уж извиняйте, что мы тут пошумели и нагадили малость, но войдите уж в наше положение. На свободу хотелось, спасу нет, не горбатиться же десять лет с мотыгой или тесаком-смолосеком... Вы, очень может быть, на нашем месте еще почище разнесли бы все тут от борта до борта и от кормы до носа...

Покосившись на то непотребное, что свисало в петле над морем, и явственно передернувшись при виде этого зрелища, штурман уныло пробубнил:

– Что, обязательно еще и поиздеваться нужно?

– Да что вы такое говорите, голубчик! – голос Бангала был бархатным, вкрадчивым, задушевым, как у волокиты-барона, охмурявшего деревенскую красотку. – Неужели вы решили, что мы вас собираемся обидеть? Это вас напугал кто-то совершенно зря. Вы же сами видите: и супруга ваша, и дочка сидят в вашей же каюте под чутким присмотром, никто их и пальцем не тронул, с вами самим обращаются исключительно деликатно... Что вы морщитесь, родной? Ах, синячок под глазом... Ну, тут уж вы сами виноваты, признайте. Мне рассказали, что вы начали, как самая неотесанная деревенщина, в моих ребят сабелькой тыкать, вот они и не выдержали... Добрейшей души люди, синяком ограничились, а ведь и разорвать на куски могли... Ну к чему вам были эти забавы с железом?

Вы – человек умственный и образованный, географию и математику превзошли, иначе кто б вас взял в навигаторы? И не коситесь вы так, я вас душевно умоляю, на эту падаль. Тюремщик был, не вам, ученому, чета, прескверный человечиска, поганый, нечего его и жалеть, не говоря уж о том, чтобы слезы по нему лить. У нас с ним, сами понимаете, были свои счеты, жили, откровенно говоря, как кошка с собачкой. Но вы-то – совсем другое дело, мы же не дураки, чтобы равнять поганого вахаря с ученым навигатором... Не буду ходить

вокруг да около, скажу сразу: вы нам, любезный, жизненно необходимы, и оттого ни один волос с вашей головы не упадет, счастливчик вы этакий... Везунчик!

– Я понимаю, – мрачно отозвался штурман. – Что тут непонятного? Сами вы корабль, надо полагать, до суши довести не надеетесь?

– Даже и не пытаемся, – с безмятежной улыбкой сказал Бангал. – Куда уж нам, темным, мы таким премудростям не обучались... На вас вся надежда. К чему долгие разговоры... Мы ведь друг друга прекрасно понимаем, верно? Если вы доведете корабль до Лорана со всем усердием и прилежанием, без фокусов, – и сами в живых останетесь, и вашим дамам никто не причинит ни малейшего ущерба. Ну, а если задумаете какую-нибудь каверзу, при любом раскладе хватит времени, чтобы вас наказать за низкое коварство... Вы человек взрослый, повидавший жизнь, давайте уж строить отношения исключительно на доверии. У вас выбора все равно нет, а у меня нет никаких причин делать вам вред после того, как выполните свою часть уговора. Вот если бы мы заботились остаться неузнанными – другое дело. Но тут случай другой, мы все поголовно переписаны, в серьезные бумаги внесены... У меня совершенно нет причин играть нечестно. Или у вас есть сомнения?

Судя по угрюмому лицу штурмана, сомнений у него имелось предостаточно. Он пробурчал:

– Сомнений и в самом деле выше крыши, а вот выбора и в самом деле нет...

– Вот и прекрасно, – сказал Бангал, лучезарно улыбаясь. – Вы, главное, успокойтесь. Мы же не сявки какие, чтобы слово не держать, человека резать, если он себя вел правильно... Ну, я так понял, мы договорились? Вижу по вашему лицу, что договорились... Давайте в таком случае поговорим о делах, – он выдернул из прикрепленной к перилам проволочной корзинки свернутую в трубку карту, шумно развернул. – Вот тут обозначен, я так понимаю, наш курс? И находимся мы вот тут, где обрывается карандашная линия? – он ткнул пальцем в означенную точку. – Цура, развяжи руки ученому человеку...

– Скорее уж вот тут, – с пробудившимся превосходством поправил штурман, показав пальцем на точку поблизости от проведенной синим карандашом линии. – Сегодня утром еще не успели нанести новую прокладку и пройденное расстояние, потому что...

– Помешали некоторые обстоятельства, – кивнул Бангал. – Всем стало не до того... Значит, где-то тут мы болтаемся... А почему именно здесь, можно вас спросить из чистого любопытства? Я полагал в простоте своей, что от Харума к Катайр Крофинду плывут по прямой, по кратчайшему пути, а наш курс выгибается явственной дугой, словно бы обходя Крофинд с полуночи, мы сейчас совсем близко от Инбер Колбта... Какая-то хитрушка с попутными ветрами?

– Попутное течение, – сказал штурман и провел по карте пальцем. – Алиротел. В море самый короткий путь – не всегда самый быстрый. Плывая по Алиротелу, до Крофинда добьются на несколько дней быстрее, чем по той прямой, которую вы указали...

– Век живи – век учись, – усмехнулся Бангал. – Вот видите, мы с вами совсем недолго общаемся, а от вас уже есть явная польза... Вы уж и дальше продолжайте в том же духе, хорошо? А сейчас идите к себе в каюту, успокойте ваших милых дам, они там, наверное, от страха себя не помнят. Расскажите им, как у нас с вами все наладилось. Этот душевный молодой человек вас проводит, и присмотрит, чтобы у вас все было в порядке. А потом заступите на вахту, повернете корабль к Харуму, подберете подходящий курс, чтобы нам побыстрее до земли добраться... Всего наилучшего!

Штурман в сопровождении ухмылявшегося Цуры еще не успел спуститься с мостика, как Сварог повернулся к Бангалу и спросил с искренним удивлением:

– Лоран?!

– Ну конечно, жамый Шабар, а как же иначе? – ответил Бангал спокойно, чуточку устало. – На земли короля Сварога нам соваться решительно не с руки, поверьте моему жиз-

ненному опыту. Вы в нашем веселом ремесле человек новый, понятия не знаете о некоторых полицейских привычках и традициях. Шила в мешке не утаишь, знаете ли. Слишком много тут собралось народу. Рано или поздно, станет достоверно известно, что кораблик этот был нами беззастенчиво захвачен. И вот тут вахари взовьются... Понимаете, с сухопутной, обычной каторги бегают с тех самых времен, как она на свет народилась. Дело житейское. Ищут, конечно, как им и положено, – но рутинно, без остервенения. А тут... Некоторых вещей полиция не прощает ни за что. Мы их унизили самым невероятным образом, создали, учено выражаясь, прецедент. За последние пару сотен, а то и поболее, лет, в жизни не случилось, чтобы каторжане захватывали тюремный корабль. Пираты, случалось, нападали на такие, но тут другое дело – тарабарцы сами вырвались... Сцапать нас всех до единого, шкуру спустить, по виселицам развесить для них будет делом чести, всю свою сознательную жизнь они нас будут ловить с величайшим усердием, и молодой смене накажут, чтобы рыла землю на сто уардов в глубину... Остались полные списки, в Фиарнолльской судебной палате хотя бы. Вашего имечка там, конечно, нет, но вы все равно замазаны по самую маковку. Это стадо, – он небрежно дернул подбородком в сторону палубы, по которой бесцельно шатались там и сям хмельные от воли тарабарцы, порой оглашая палубу взрывами бессмысленного хохота, – на две трети состоит из мелкой шелупони, которая на первом же допросе после первой же зуботычины начинает петь с чувством и в полный голос, как баритон из Королевской оперы, про все и про всех. И внешность вашу опишут во всех подробностях, и непременно потреплются, как вы с помощью магии все устроили... Повязаны вы со мной намертво, вам тоже не резон шастать по Свароговым владениям.

– Я понимаю, – сказал Сварог. – Что поделаешь, вам виднее...

– Рад, что понимаете. Не переживайте, мы с вами еще таких дел наворотим! Ваше умение и мой жизненный опыт... В общем, нам, сами видите, остается одно: смываться туда, где даже Сварогова лапа до нас не дотянется. Лучше бы прямо в Горрот, это еще надежнее, но это гораздо дальше, не стоит рисковать. Нам и в Лоране будет неплохо. Распишем цветисто и красочно, что все мы – безвинные жертвы тирании короля Сварога, зверя в человеческом обличье, по облыжным обвинениям загоняющего на каторгу мирных тружеников...

– А в Лоране поверят? – усмехнулся Сварог.

– Вряд ли, – серьезно сказал Бангал. – Там в полиции, как и везде, служат не добрячки и не дурачки. У половины наших вся грешная, причудливая и путаная биография ясно и четко выколота на шкуре... Ничего, в любом случае они нас не выдадут. Из чистого принципа. Сами знаете, какие сейчас отношения у Сварога с Лораном. Когда кипит и бурлит большая политика, мелюзга вроде нас всегда найдет и для себя выгоду. Королевские раздоры идут порой на пользу людишкам незначительным, но наделенным смекалкой... Улавливаете ход мыслей?

Сварог кивнул, старательно сохраняя на лице безразличие. Перспектива оказаться в заведомо враждебном Лоране его нисколько не радовала. Вряд ли его там опознают мгновенно, небритого, на себя не похожего, никому и в голову не придет, согласно той самой инерции мышления, что среди отпетого каторжанского народа оказался сам Сварог Первый, – но все равно, из Лорана еще предстоит выбираться, да и от Бангала как-то нужно будет отделаться. Ладно, впереди достаточно времени, чтобы многое обдумать...

– Почему же тогда вы не поворачиваете корабль назад? К чему тянуть?

– Успеется, – сказал Бангал, чему-то улыбаясь. – Часом раньше, часом позже – нет особой разницы. – Покосившись на рулевого, он отвел Сварога в самый дальний угол мостика и понизил голос, насколько это было возможно. – Сначала нам с вами следует обговорить кое-какие тонкости и неотложные меры... В вас-то я уверен, и еще в паре дюжин ребят, а вот в трех четвертях нашего сброда – никоим образом. Они еще не отошли толком, но очень быстро, через часок-другой, зададутся вопросом, как же им теперь жить дальше, обретя

вожделенную свободу, чем следует незамедлительно заняться. А поскольку народец большей частью примитивный, их убогая фантазия ничего лучшего не подскажет, кроме как немедленно устроить гульбище на всю катушку. Уж поверьте моему жизненному опыту, совсем скоро заговорят наперебой, что свободу надо бы отпраздновать как следует. Выдвигнутся горлопаны-вожаки, и вот тогда начнется настоящее непотребство... В трюме полно вина, об этом уже все пронюхали. В каюте штурмана – две мокрошелки, да вдобавок среди матросов обнаружился смазливенький юнга, на которого уже начинают поглядывать любители зады повторять. Представляете, что начнется? Неизвестно еще, останется ли корабль цел и на плаву...

– Понимаю, – так же серьезно сказал Сварог. – Что предлагаете?

– Всерьез рассчитывать, как я уже говорил, можно дюжины на две людей, – сказал Бангал. – Ну что же... Во-первых, их вполне достаточно, чтобы присматривать за матросами, а во-вторых, среди пары дюжин человек гораздо легче поддерживать железную дисциплину, нежели среди тех восьми десятков, что у нас остались на ногах после драки... Короче говоря, я тут кое-что прикинул. Надежных разобьем на несколько отрядов. Начальниками поставим Цуру, вас, Рыжего... Оружия навалом. А остальных, чтобы не возиться, заманим назад в трюм. Закатим туда пару бочек винища, упреждая события, пока сами не начали вышибать днища, объявим гульбу, пообещаем, что приволокем туда штурмановых мочалок и матросиков, наиболее подходящих для «скамеек»... Вот увидите, они сами наперебой ломанутся в трюм, как только услышат про гулевание. И пусть сидят там до самого берега. Поскольку на сей раз вас там не будет, им ни за что не выбраться. Будем время от времени спускать туда бочонки – они и сами наверх не захотят. Ну, а когда управимся, поставим на мостик штурмана, возьмем должный курс и поплывем спокойно, при строгом порядке на борту... Возражения есть?

– Ни малейших, – сказал Сварог искренне. – Ну и голова у вас, жамый Бангал, вам бы в коронные министры...

– Скажете тоже, – махнул рукой явно польщенный «тарабарский принц». – Просто-напросто давненько скитаюсь по белу свету, хорошо изучил человеческую натуру и привык при всех поворотах судьбы оставаться в живых. И очень хочу побыстрее добраться до твердой земли, не отвлекаясь на усмирение дурной вольницы. Вы наверняка хотите того же. Значит, в первую очередь нам с вами следует...

Вдруг они прямо-таки подпрыгнули от неожиданности, Бангал замолчал, и оба сердито повернулись к рулевому – кроме него, просто некому было издать прозвучавший совсем рядом дикий вопль.

– Что такое, родной? – хмурясь, спросил Бангал. – Что ты так блажишь? Кто обидел?

Рулевой повернулся к нему, тыча вытянутой дрожащей рукой куда-то в море. Его лицо на глазах покрывалось крупными каплями пота, бледнело, вытягивалось. Хватая ртом воздух так, словно его почти и не осталось вокруг, бывший пират заорал:

– Даката! Вон там, с наветренной! Жопу ставлю, даката!

Встрепенувшись, Сварог уставился в море. О дакате он несколько раз слышал и на «Божьем любимчике», и от своих адмиралов. Все до единого рассказчики, люди серьезные, клятвенно заверяли, что речь идет не об очередной моряцкой побасенке, а о вполне реальной, хотя и насквозь загадочной жути, встречавшейся в океане не очень часто, но и не так уж редко. Даката, она же Белая Погибель, – то ли шквал, то ли смерч, то ли нечто совсем иное, непонятное. Никто не знал, откуда она бралась и что собой представляла, но все твердили в один голос, что даката уничтожала корабли со всем экипажем – напроць, так что выживших свидетелей не оставалось. Иным счастливицам, правда, удавалось от нее уйти искусным маневром, с полными ветра парусами – капитану Зо однажды доводилось, к примеру, и Амонду...

Что-то там и в самом деле наблюдалось – вдалеке, у горизонта. Над неуловимой зыбкой чертой, где то ли море сливалось с небом, то ли небо с морем, на фоне искрящейся синевы четко рисовалось нечто округлое, белое, то ли становившееся все больше, то ли очень быстро приближавшееся, сохраняя неизменные размеры.

– Даката! – орал рулевой. – Точно, она! Нужно уносить ноги, иначе всем крышка! Мы однажды еле ушли, я на всю жизнь эту пакость запомнил... Говорю вам, даката! Она, доподлинная!

– Дуркует? – неуверенно спросил Сварога Бангал. – Слышал я что-то такое, но не особенно верил, мореходы мастера гнать фуфло...

– Кто его знает... – сквозь зубы ответил Сварог, охваченный нехорошими предчувствиями. – Я тоже слышал, причем от людей, которым можно верить...

Он лихорадочно вспоминал, не доводилось ли говорить о дакате с Гаудином или кем-то из своих разведчиков, – нет, ничего на ум не приходит, ни разу речь не заходила, не стояла эта проблема в числе неотложных, животрепещущих...

Белое пятно приближалось неимоверно быстро. Гораздо быстрее, чем вихрь гонит по небу грозовые облака. Неслось под острым углом к курсу судна. Походило на то, что в самом скором времени курсы корабля и неведомого явления должны были пересечься.

Сварог присмотрелся получше, выхватив из гнезда подзорную трубу. Больше всего это походило то ли на облако, то ли на огромный клуб тумана, порой светившийся бледно-желтыми вспышками. Оно стелилось над самой водой, вроде бы не касаясь ее, приближалось как-то осознанно, словно целеустремленно несущийся к жертве хищник, хотя со всей уверенностью можно сказать, что это не живое существо и не летательный аппарат: округлый смерч, облако, исполинский клуб тумана...

Небо оставалось безоблачным, море – спокойным.

Бангал с сомнением сказал:

– Может, в самом деле... озаботиться? Что-то не нравится мне эта штука...

– Вот именно, – сказал Сварог. – Неприятное зрелище.

– Говорю вам – даката! – прямо-таки взвыл рулевой. – Всем конец! Мы тогда еле ушли...

– Вообще-то у нас с полдюжины пушек... – задумчиво сказал Сварог.

– Не берут ее ни ядра, ни картечь! – заорал рулевой. – Без толку!

– Ну так сделай что-нибудь, дубина! – озлясь, рявкнул Бангал. – Коли такой знаток и однажды уже ноги унес!

– Да я не умею! – завопил рулевой. – Откуда мне уметь? Мое дело – штурвал вертеть согласно приказу, а маневру я не обучен! Офицер нужен, чтоб командовал маневром!

Белое облако неотвратимо накатывалось – мутно-белое, сиявшее по всему своему пространству множеством тускло-желтых вспышек, пронизанное бледным мерцанием словно бы медленных молний. Оно надвигалось совершенно бесшумно. Чуть ли не все, кто был сейчас на корабле, столпились по левому борту, матросы на снастях кричали что-то неразборчивое, непонятно кому адресуясь. Сварог видел их испуганные лица.

– Шутки в сторону, – сказал он резко. – Зови штурмана...

Бангал, не медля ни секунды, перегнулся через перила и заорал что было мочи:

– Цура! Штурмана сюда моментально!

Было что-то в его вопле, отчего уже через миг с грохотом распахнулась дверь кормовой надстройки и из нее кенгуриными прыжками вылетел Цура, волоча за собой штурмана, вмиг поднял его на мостик, то бесцеремонно волоча за шиворот, то подхватывая за пояс так, что ноги ошарашенного навигатора отрывались от палубы. Не теряя времени, Сварог буквально вырвал из его лап ценного специалиста, развернул лицом в сторону приближавшегося облака и, встряхнув, спросил:

– Что это за хрень? Не доводилось раньше сталкиваться?

Он впервые видел, чтобы человек в неуловимую долю секунды становился белым как стена.

– Д-даката... – лязгая зубами, еле выговорил штурман. – Конечно, даката...

Никаких расспросов более не требовалось – достаточно взглянуть в это лицо без единой кровинки. Над ухом севшим голосом выругался Бангал, и Сварог, ведомый могучим инстинктом самосохранения, хорошенько встряхнул штурмана, сунул ему в руку микрофон:

– Командуй, мать твою! Душу выну!

Штурман поднял ко рту рупор – вернее, с размаху ударил себя по губам раструбом, так, что рассадил их до крови. Не обратив на это внимания, даже не поморщившись, заорал, разбрызгивая кровь:

– Все наверх, паруса ставить! Право руля! Переменить галс!

Матросы, стряхнув оцепенение, проворно карабкались вверх, разбегались в стороны по реям. Сварог, следя за ними краешком глаза, лихорадочно оценивал дистанцию меж кораблем и несущимся облаком – и видел: оно приближается так быстро, что никаких шансов не остается, оно уже вровень с верхушками мачт, закрыло солнце...

А в следующий миг – и весь окружающий мир.

Душераздирающие вопли понеслись отовсюду – с палубы, с мачт, с мостика – и тут же утихли. Сварога обволокло мутно-белое облако, пронизанное бледно-желтыми, слабосветящимися ручейками, теми самыми медленными вспышками. Словно далекие огоньки нехотя, с трудом разгорались и тут же гасли, а потом все начиналось сызнова. Однако жара он не почувствовал. Ощутил бесчисленные прикосновения к лицу, рукам, затылку, голой груди под распахнутой рубашкой. Словно бы мириады тополиных пушинок или хлынувший из распоротой перины пух осыпали его с ног до головы, кружа вокруг, потоками стекая по коже – и эти касания вызывали непонятные, незнакомые ощущения, столь противные, что Сварог содрогался всем телом, а по глотке снизу вверх прошел длинный спазм тошноты.

И вдруг все кончилось так же внезапно, как и началось. Загадочное облако не схлынуло, не ушло дальше – оно определенно растаяло, все сразу, на всем своем протяжении, вокруг было только спокойное море, накрытое лазурным сводом небосклона.

Слева раздался сухой деревянный стук, какой издает причалившая к борту корабля большая шлюпка. Где-то неподалеку стукнуло что-то еще. Скосив глаза, Сварог увидел вонзившийся в планшир трехлапый кованый крюк.

Совсем рядом с ним лежали четыре кучки одежды – там, где только что стояли Бангал, Цура, штурман и рулевой. Было непохоже, что люди просто сбросили одежды, скорее уж выглядело так, словно люди вдруг растаяли, пребывая внутри одежды: штаны штурмана остались застегнутыми и заправленными в высокие мягкие сапоги, форменный кафтан, доставшийся Бангалу в наследство от предводителя вахарей, тоже застегнут на все пуговицы, как и рубашка Цуры из тонкого полотна, судя по золоченым – а то и золотым пуговицам, материи и кружевам, позаимствованная в каюте кого-то из офицеров, а то и самого капитана.

Там, где на нок-рее только что покачивался изуродованный труп, болталась лишь улетающая петля. Палуба по левому борту покрыта кучами одежды, разбросанным оружием – и нигде ни единой живой души и не единого трупа. На рангоуте тоже болтались там и сям штаны и рубахи, ветерок подхватывал их и уносил в море...

Корабль рыскнул по ветру, крутнулся оставшийся без присмотра штурвал. По борту что-то гроыхало, словно кто-то взбирался на палубу со всем проворством. Ничего еще не соображая толком, Сварог произнес привычное заклинание, делавшее его невидимым, отпрянул в дальний угол капитанского мостика, положив руку на эфес сабли.

Над планширом возникла самая обыкновенная человеческая физиономия, за ней вторая, похоже на первую, разве что усатая. Два субъекта, одетых, как матросы или небогатые путешественники, враз перемахнули через борт и бросились на мостик. При них не было никакого оружия – и держались они так, словно происшедшее их нисколько не удивило. Сварога они не увидели. Один, не мешкая, бросился к штурвалу, умело перехватил рукоятки, выровняв корабль и удерживая его на прежнем курсе. Второй, перегнувшись через перила, с ухмылочкой оглядывал палубу.

Сварога так и подмывало дать ему по башке, а потом заняться вторым, но не следовало торопиться, не узнав сначала, сколько их. Лодка, судя по звукам, по-прежнему покачивалась у борта корабля, и в ней слышались спокойные голоса.

Не особенно и раздумывая, Сварог на цыпочках спустился с мостика. Кто бы ни были эти типы, они, несомненно, связаны с Белой Погибелью, в мгновение ока уничтожившей все живое на борту. Чересчур уж быстро они появились – едва даката растаяла, чересчур уж уверенно действовали, без тени удивления. Они должны были все знать заранее... и, вполне может оказаться, сами все это устроили, потому что плохо верится в такие совпадения.

Кто-то еще взбирался по веревочной лестнице с перекладинами-палками – Сварог видел две-три верхних ступеньки, видел, как дергается лестница. Следовало побыстрее подыскать самое безопасное место, куда они ни за что не сунутся, а значит, и не наткнутся ненароком на человека-невидимку, который вполне доступен и осязанию, и обонянию...

Сварог направился напрямик к бушприту и устроился там с относительным комфортом, стоя на частой веревочной сети, держась обеими руками за толстое, гладкое бревно, отполированное временем и ветрами. Вот уж сюда никому не придет в голову соваться без крайней на то необходимости, даже этим загадочным налетчикам. Тут обычно находится лишь атакующая команда, когда в морском бою дело доходит до абордажа.

Слева, в паре кабельтов от корабля, вдруг вспучилась вода длинным округлым бугром, и прозрачные струи стекли с корпуса всплывшей на поверхность подводной лодки, не менее сотни уардов в длину.

Настоящая подводная лодка, разве что построенная не из железа, а из какого-то темного дерева – Сварог прекрасно рассмотрел надежно подогнанные широкие доски, невысокую округлую рубку, тоже дощатую, походившую на распиленную поперек пузатую бочку, – с круглыми иллюминаторами в металлической оправе. Загадочная субмарина медленно приближалась к кораблю, и, судя по тому, как бурлила вода за кормой, приводил ее в движение тот самый движитель, что трудами восьмого департамента считался на Таларе тупиковым направлением технического прогресса и нигде не использовался. Подводники, надо полагать, то ли не слыхивали об этой искусно подsunутой таларским инженерам дезинформации, то ли прекрасно знали истинное положение дел. Кто бы они ни были, это, несомненно, надежно укryвшиеся от бдительного ока как небесных, так и земных властей маргиналы – по самой сути своей государственные преступники со всех точек зрения, подлежащие безусловному искоренению как за пиратство, так и за пользование запретными техническими достижениями...

Сварог вспомнил все, что ему было известно о мэтре Тагароне и его попытках соорудить подводную лодку, оснатив ее каким-то качественно иным двигателем, а по другим сведениям, уже и построившим в Горроте первый образец. Похоже, не один Тагарон оказался таким сообразительным. Где-то неподалеку – Инбер Колбта, скопище многих сотен островов, до сих пор не исследованный толком лабиринт, овеянный множеством легенд, как занятных, так и жутких. Столько всего болтают, что даже если малая толика окажется правдой... Если поразмыслить – идеальное укryтие не только для обычных пиратов (коих в глyбинах архипелага предостаточно), но и для тайной базы таких вот удальцов, наплевавших на негласные запреты верховной власти...

Но даката, даката! Не бывает таких совпадений. Гораздо более вероятно, что они ее сами создали, а не болтаются за ней следом, как гиены за львом. Вот, значит, в чем поганный секрет дакаты... Коли уж Сварог уцелел там, где погибли все до единого обычные люди, возможны только два объяснения: либо даката – продукт зловредной магии, либо она – следствие некоей неведомой технологии, создание человеческих рук, не имеющее ничего общего с колдовством. Только в этих двух случаях она не способна причинить Сварогу вред. Моряцкие байки оказались правдой: порой возможно ускользнуть от дакаты, но уж если она настигнет – в живых никого не остается. Можно только гадать, сколько из пропавших без вести кораблей, пливших в одиночку, стали жертвами именно Белой Погибели, рукотворного зла...

Вторая субмарина всплыла по правому борту, она выглядела близнецом первой. В рубках распахнулись дверцы, на палубу повалили люди, обе подводных лодки подошли вплотную к кораблю, причалили с двух сторон. На палубу полетели тросы с крючьями, очень быстро соединив все три судна в одно.

На палубу захваченного корабля хлынуло множество людей. Они перекидывали широкие сходни, распиливали грузовой трюм – быстро, сноровисто, без понуканий и команд, из чего следовало, что налетчики понаторели в подобном разбое и опыт приобрели богатый.

Сварога по-прежнему никто не замечал. Он стоял, уперевшись ногами в веревочную сеть, обхватив бушприт, и совсем рядом с ним деловито суетились неведомые рыцари удачи, совершенно неотличимые по виду и одежде от обитателей Талара. И разговаривали они меж собой на том же языке.

Позади рубок распахнулись прямоугольные люки, их створки ушли вниз и в стороны. Установив несколько лебедок и подъемных кранов, пираты принялись переправлять на свои субмарины бочки, ящики и тюки из трюма корабля, работая не за страх, а за совесть, с прибауточками и подначками. Ни единого понукания не последовало со стороны нескольких человек, празднично стоявших с видом командиров, – да, это не подневольные трудяги, это сборище равноправных, объединенных общей целью. С таким энтузиазмом люди испокон веков и вкалывают не на мифическое «благо общества», а на свою собственную выгоду, конкретную долю в добыче. Ну разумеется, это пираты неизвестной прежде разновидности, якорь им в задницу. До чего банальной оказалась разгадка Белой Погибели... Ну что же, не самая бездарная затея. Добыча им досталась хорошая – при том, что никакого урона они не понесли и особых трудов не приложили, вообще пальцем о палец не ударили, все сделала за них даката, а им осталось лишь сгрести бесхозное добро – твари, мародеры, стервятники, любой обычный пират во сто раз лучше, каким бы подонком ни был, он как-никак всякий раз рискует жизнью при очередном абордаже, а эти...

У Сварога неимоверно чесались руки, но в одиночку он ничего не смог бы поделать с этой сворой. Оставалось скрипеть зубами от бессильной злобы и обещать себе, что, едва добравшись до Харума, пошлет сюда сильную эскадру с приказом носу назад не казать, пока не отыщут притон этих стервятников...

Потом он подумал о вещах гораздо более животрепещущих: месть мостью, но что ему предпринять сейчас? Как они поступят с захваченным кораблем? Уведут с собой, чтобы сменить название и использовать? Рискованно. Это для человека несведущего все корабли на одно лицо, а опытный моряк легко опознает знакомое судно и с новым названием, и в новой окраске. Что-то Сварог прежде не слышал о подобных случаях – схожие были, но речь там всегда шла об обычных пиратах. И он никогда не слыхивал, чтобы кто-то натыкался в океане на дрейфующие без команды корабли с выпотрошенными трюмами. Ну да, конечно, элементарная бандитская логика требует потопить ограбленное судно – и пусть потом тщетно ломают головы на суше, пусть умножаются родившиеся за чаркой рома в портовых кабаках

легенды, занятные и жуткие, пусть разводят руками многоопытные люди из морского бюро и угодившие в проруху страховщики...

Корабль они, разумеется, пустят на дно в самом скором времени. Опасность утонуть Сварогу не грозит, но что прикажете делать дальше? Не плыть же саженками в сторону Харума или хотя бы до Катайр Крофинда – далековато, мозоли натрешь... Пожалуй, следует нырнуть вместе с кораблем, когда он погрузится, отвязать вон ту шлюпку, чтобы ее вынесло на поверхность. Больше ничего и не придумать в данной ситуации. На обеих рубках виднеется нечто крайне напоминающее перископы, но когда лодки уйдут под воду, никто не станет в них таращиться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.